

СМЕНА

3

1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Абанан, Тайшет... Мало найдется сейчас людей, которым не были бы известны названия этих небольших сибирских городов. Они стали синонимом отваги и мужества, самоотверженного труда и беззаветного героизма. Словно глухую тайгу, через горы и бурные сибирские реки посланцы комсомола ведут стальную магистраль, по которой пойдет абананская руда и Тайшетскому комбинату, одному из будущих гигантов третьей металлургической базы страны.

Проледана дороги по суровым хребтам Саян по плечу только сильным и смелым. Таких, как Анатолий Рындли, работающий на участке Нурагино — Кошуриново, как шофер Николай Вагени, который готовит сейчас свою машину и трудному пути по обледенелому горному «сверлякитину» (смотри слева вверху). А пока дорожники шаг за шагом пробиваются сквозь тайгу, вдоль трассы растут станции и поселки. На снимке вверху — Борис Мамчев, один из лучших каменщиков на строительстве станции Кошуриново.

Фото
В. М и ш и н а.

1960-й... 15 января... 18 часов по московскому времени...
Депутаты высшего органа власти Страны Советов единогласно
принимает Закон о новом значительном сокращении Вооруженных
Сил СССР.

Эта весть, вырвавшись из-под сводов Кремлевского дворца,
словно молния, облетела весь земной шар:
«Советская Армия сокращается на одну треть!»
«1 200 тысяч воинов уйдет в запас!»

У наших друзей новый миролюбивый шаг Советского Союза вы-
звал радость и восторженные рукоплескания, у врагов — иррациональ-
ные и злобную ненависть. Да и как тут не унывать, когда много-
летние сказки об агрессивности коммунистов лопаются, подобно
мыльным пузырям, когда народы планеты все чаще начинают по-
нимать, что действительно стремятся к миру, а то под шумок
«мирских» речей раздувает тлеющую головешку новой войны.

Незабываемый визит главы Советского правительства Н. С. Хру-
щева в Соединенные Штаты Америки и его историческое выступле-
ние на сессии Организации Объединенных Наций с предложением
о всеобщем и полном разоружении сорвали поволоку с глаз многих
жителей капиталистического мира, ослепленных буржуазной про-
пагандой. И теперь эти миллионы прозревших еще и еще раз мо-
гут убедиться, что у нас, советских людей, слово с делом никогда
не расходится.

Новое сокращение Советской Армии—это не только свиде-
тельство нашего миролюбия, но и яркое выражение наших дум, чая-
ний, идеалов.

Мы хотим, чтобы земля стала не для танков и пушек, а для тракторов
и станков, возводил жилище дома и гидростанции, а не военные ба-
зы, растить хлеба, а не чудовищные батареи, несущие смерть.

Мы хотим, чтобы руки людей держали не пулеметы и автоматы,
а отбойные молотки, управляли рычагами бульдозеров и мотовозов,
а не рычагами бомбардировщиков.

Мы хотим, чтобы росли не запасы атомных и водородных бомб,
а запасы зерна, тканей, машин, чтобы человеческие пальцы нажи-
мали кнопки бумажингов и автоматических заводов, а не кнопки
установок ядерных ракет.

Мы хотим, чтобы наши дети никогда не видели ужасов войны и
знакомилась с оружием уничтожения только в экспозициях истори-
ческих музеев.

Вот почему мы за полное разоружение, за ликвидацию воору-
женных сил во всем мире, вот почему мы горячо аплодировали
белорусскому поэту Петрусу Броня, который с высокой трибуны
сессии Верховного Совета СССР сказал:

Давайте распахнем мечи и штыки,
Скучим из них дружбы сердечной вешки!

К мирной жизни, творческой и созидательной, к хорошим, добро-
соседским отношениям без страха и трезог, к миру и только к миру
по вседневно и неустанно призывают все народы наша Коммуни-
стическая партия, наше правительство. И мы, советские люди, го-
рячо поддерживаем их, ибо они отражают наши сокровенные меч-
ты и надежды.

Решение Верховного Совета СССР о сокращении армии из
1 200 тысяч человек явилось радостным праздником для миллио-
нов семей, где сейчас с нетерпением ждут возвращения своих от-
цов, мужей, сынов. Пройдет немного времени, и все демобилизо-
ванные солдаты и офицеры вновь встанут в строй, но уже не в воин-
ский, а в мирный строй строителей коммунизма. Человеческая энер-
гия, трудолюбивые руки, 16—17 миллиардов рублей, освобождаю-
щиеся в связи с принятием этого закона, еще больше укрепят ду-
ло коммунистического строительства.

А дол у нас в стране непокатый край! Мы строим каналы в пу-
стыне и возводим города в глухой тайге, прокладываем дороги че-
рез непроходимые горы и превращаем трясину болот в цветущие
сады. И в каждом городе, в каждом рабочем поселке, на каждой
стройке можно увидеть объявление: «Требуются рабочие, техни-
ки инженеры...» Уже давно-давно ликвидирована в нашей стране без-
работица, и поэтому каждый демобилизованный из армии воин твер-
до уверен, что ему будет предоставлена работа по душе, в соот-
ветствии с его способностями и профессией. Только в минувшем году
путевки отправлено в целинные земли добровольно по комсомольским
инициативам свыше 130 тысяч демобилизованных воинов.
Все они не только хорошо устроились, но и уже успели занять ме-
ста в рядах передовиков производства.

Добрая слава идет на строительстве Братской ГЭС о бригаде
коммунистического труда, возглавляемой бывшим матросом Бори-
сом Гайнуллыным. В Магадане широко известна своими замечатель-
ными трудовыми подвигами бригада бульдозеристов братьев Гу-
ровых, которые совсем недавно сняли армейские погоня. Уволившись
в запас, капитан Михаил Емельянов возглавил бригаду ставрополь-
ской Горьком, которая завоевала почетное звание коллектива ком-
мунистического труда. С успехом руководит передовой сельскохо-
зяйственной артелью в Казахстане бывший кадровый офицер Тлеп
Мергеннов. И таких примеров у нас очень и очень много.

Ков-кто из буржуазных запылятелей старается теперь объяснить
новый миролюбивый шаг Советского правительства якобы законода-
ческими затруднениями страны. Но где вы увидели эти затрудне-

Проектная всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Февраль, № 3, 1960 год.

Год
издания
37-й

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

ния, господа брехуны? Посмотрите внимательно на цифры, недавно опубликованные Центральным статистическим управлением, характеризующие ход выполнения плана первого года нашего грандиозного семилетия.

Объем промышленного производства по сравнению с прошлым годом вырос на 11 процентов (а планировалось только на 7,7 процента).

На 50 миллиардов рублей выпущено продукции сверх плана.

Свыше тысячи новых крупных предприятий вступило в строй. 7,6 миллиарда пудов собрали, несмотря на засуху, наши земледельцы.

Мы перегнали США по валовому производству молока, а масса на душу населения промакла больше, чем в хваленной Америке.

2 миллиона 200 тысяч новых благоустроенных квартир получили трудящиеся нашей Родины.

Величайшей симфонией вдохновенному труду звучат эти цифры! Уж если искать экономическим затруднениям, то отнюдь не у нас, отнюдь не в странах социалистического содружества.

Новое крупное сокращение Вооруженных Сил — свидетельство нашей силы и могущества, а не слабости, как хотелось бы империалистическим воjakам. И лучше, достоверней доказательство тому — гигантский трамвай нашей тяжелой ракеты в район Тихого океана. «Опять русские ученые заставили мир открыть рот от изумления перед их новым потрясающим достижением», — писала английская газета «Дейли экспресс» по поводу запуска нашей модной баллистической многоступенчатой ракеты.

Мы мирные люди.

Но наш бронепоезд стоит на запасном пути! —

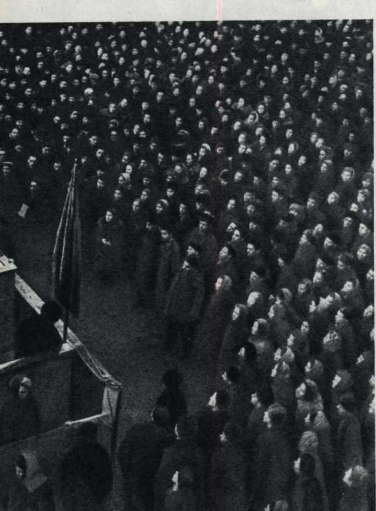
так поется в одной из популярных советских песен. Правда, бронепоезда мы давно сдали в архив. Теперь такая же участь ожидает бомбардировщики и крейсера. Но на наших запасных путях стоит более грозное, более современное оружие, которое способно достоверно ответить на любой происк агрессоров.

Мы хотим жить в мире и дружбе со всеми народами и государствами. Мы никому не угрожаем. И, как неоднократно указывал Н. С. Хрущев, мы согласны уступить в море все наши запасы ядерного оружия, если Англия и Америка поступят точно так же. Мы готовы использовать ракеты только для космических полетов. Лучше думать о пристрелке по Марсу, чем о грибовидном облаке над песками Сахары или коралловыми островами Тихого океана. И поэтому мы, советские люди, обращаемся ко всем жителям нашей земли:

Путь на месте полигонов цветет сады!
Путь освобожденная энергия атома служит делу созидания, а не разрушения!

С огромным удовлетворением встретили трудящиеся Запорожского завода сокращения Вооруженных Сил СССР. На снимке: вытнг рабочих Уралмашзавода, посвященный этому знаменательному событию.

Фото В. Сакка.

А. БЫЛИНОВ

Первое судебное дело возникло как бы невзначай и дошло до Григория Ивановича Гончарову немало хлопот.

Имя злостного прогульщика Иванова пользовалось на заводе печальной известностью. Выговор, выговор, выговор... На сей раз красный карандаш директора уже готов был написать на докладной записке начальника цеха о новом проступке Иванова: «Уволить с завода». Но тут вошел Гончаров, и директор отложил карандаш в сторону.

А не отдать ли его Гончарову? — спросил он присутствовавших. — Может, из этого типа еще человек выйдет? Что скажете, Григорий Иванович?

Гончаров задумался. Он не раз слышал о «восходящих» среди небезбашеного парня. Говорят, сидел в тюрьме... Урок, видно, не пошел впрок. Под силу ли ему, Гончарову, человеку, правды, баловому, но совершенно неопытному в судебных делах, справиться с этим отпетым пьянчужкой и хулиганом, которого следило бы под конвоем отправить в камеру предварительного заключения?

— Дело сложное, товарищи, — наконец ответил Гончаров. — Это, выходит, когда все уже отказались, ил тебе, Гончаров, бери, превоспитывай. А опыта у нас нет. Да это тип даже на суд не пожелает явиться. Что я ему за это сделаю? Он ведь знаком с настоящими судами. Начинать надо с дела полечке, иначе провалится наш товарищеский суд. Всю идею дискредитируем.

— Ну что ж, как знаешь.

И директор размышительно написал на докладной: «В приказ — на увольнение».

Себя на заводском учебном пункте, где он был начальником, Гончаров за неотложными делами забыл об этом происшествии в кабинете директора. Но вечером, когда стал собираться домой, смутное ощущение чего-то недделанного, нерешенного оставило его. Гончаров стал привычно перебирать в памяти события за день и вдруг вспомнил: директор... резолюция... сварщик Иванов! Он вспомнил, как отмахнулся, отделился от судьбы парня. Гончаров пошел трубку, позвонил в отдел кадров, а чех. Но там никто не ответил. Ночь Гончаров провел плохо, а утром связался с директором и попросил отменить приказ об увольнении сварщика Иванова. Дело его было отдано на суд товарищей, а руки бывшего комиссара десантника морской пехоты Григория Ивановича Гончарова.

Легко сказать, судить человека. Ведь дело-то надо вести по всем правилам. Надо, говорят, вести и следствие. А что это за следствие, как его вести? Сам-то Гончаров под судом и следствием никогда не был. Посоветовавшись с товарищами — членами суда — и заводским юристом, он решил вместо следствия провести тщательное исследование жизни этого человека, восстановить картину воспитания, от рождения до сегодняшнего дня...

Почти два месяца длилось это кропотливое исследование. Кропотливо, капля за каплей, собирали члены суда большие и малые факты — сведения о жизни двадцатитрехлетнего сварщика. Дело № 14 закончилось страшными жизнеисписания человека.

Сам председатель опросил более ста человек. Неопытный в следственных и судебных делах, он выловил, вероятно, немало лишней работы. Но и эта лишняя работа пошла на пользу. Теперь он знал об Иванове, пожалуй, больше, чем сам Иванов знал о себе. Он еще не разговаривал с ним, не вызывал для предварительной беседы, но уже отчасти изучил его характер, детали прошлой жизни, мечты и мысли.

Гончаров побывал в трех цехах завода, где успел поработать Иванов, в детском доме, где он рос, в общежитии, где проживали соседи товарищи, сосульки, воспитатели, начальники, милиционеры, знакомые — каждый по-своему рисовал облик этого беззащитного человека, недополненного ранним сиротством ожесточенного грубостью и завидующим некоторых людей...

— Бери стук, садись поближе, — сказал Гончаров, когда сварщик перешел из порога кабинета.

— Потолкуем перед судом.

...И вот в назначенный час сварщик Иванов пришел в красный уголок цеха и сел на подставку от большого стола, покрытого бархатной скатертью. Он казался спокойным, но сидел, опустив голову, стараясь не встречаться взглядом с рабочими, заполнившими комнату.

Покрывая шумом, прозвучали слова:

— Встать, суд идет!
Вперед! Гончаров, а руке он держал толстую папку. Зал встал и замер.

Председательствующий долго читал обвинение. Сказать же не смел, то на глазах сварщика увидел слезы и в эту же минуту понял, что борьба за Иванова почти выиграна. Парень не остался равнодушным, почувствовав такую поддержку коллектива, а это уже

Григорий Иванович всегда найдет свободную минутку, чтобы пообщаться с молодыми рабочими. Сегодня и Гончарову пришли по своим делам, такелажники Михаил Комельков и машинист Ирана Рамса Крамер.

Фото Г. Павенко

была победа. Но слова ждали свидетели, общественные защитники и прокуроры.

К судейскому столу подходили старики, заслуженные металлурги, люди, всей душой любящие и уважающие труд, страстно ненавидящие тунеядство. Они, прокуроры в синих спецовках, смотрели прямо в глаза подсудимому и говорили все, что думали о нем, его поведении, его прошлом и будущем.

Казалось, сам его величество рабочий класс положил свою узловатую руку на плечи худощавого молодого человека и заставил его переждать всю свою жизнь.

А потом заговорил защитник. Наверное, он не пытался размазывать судей! Они просто рассказывали о том, как равнодушие и неверие отталкивают порочного человека от людей, омежествляют его. Они не старались обелить Иванова, но в то же время доказывали, что не такой уж он пропащий человек, что может и он остаться на правильную дорожку.

«Кляту даю вам! Поверьте, товарищи!» — вдруг крикнул подсудимый и разрыдался.

Бывший черноморский комиссар незаметно провел рукой по глазу. Он никогда не предполагал, что так все произойдет, что рабочие так близко к сердцу примут и поймут это необычное дело — судить человека суровым словом товарищей, без милиции и стражи, без юристов, адвокатов, официальных прокуроров и судей. А вот ведь как хорошо все получилось! Сегодня, пожалуй, даже посильнее, чем в ином народном суде! Без приговора, просто-напросто поставили человеку она вида, указали на недопустимость поведения, а директору завода и заводу профсоюз — по решению суда сделали представление о грубости двух мастеров и председателя цехкома.

И человек как бы родился заново. Он смотрел вокруг глазами, омытыми слезами, и улыбался людям.

«Поверили!» — говорил его взгляд — Спасибо вам, товарищи. Уж я оплачу долг, не сомневайтесь в этом, никогда не предадут!»

Председатель Верховного суда СССР, пожилой и опухший судейский работник, листал пыльную папку: «Дело старщика Иванова». Он внимательно прочитывал страницу за страницей, время от времени поднимая глаза на сидевшего рядом Григория Ивановича.

«Работаете ошущу, как говорится», — сказал Гончаров, слово

оправдывался. — Опыта мало, и посоветоваться не с кем. Первые шаги правед, у нас чеплово, и авторитет суда уже чувствуется. Только не знаю, празильно ли все делаем? Можеть, нарушаем что-нибудь!»

— Я полагаю, у вас могут появиться некоторые народные судьи, — задумчиво сказал представитель. — Вы работаете удивительно человечно. А что с этим Ивановым сейчас?

— Стал цехлинником. Поехал вместе с комсомольцами, остался там, обаялсем семей. Письма пишет, благодарит. В общем, как говорится, вышел в люди.

— Отлично. А это дело Куприянова? — И представитель Верховного суда подвинул к себе еще одну толстую папку.

Куприянова, — сказал Гончаров. — Тяжелое, но любопытное дело.

...Их было четверо: сам Куприянов, жена и двое ребят — восьмилетняя дочь и двултлетний сын. Чтобы получить квартиру больше, в новом доме, решили вызвать из деревни старушку-мать. Когда семья получила квартиру, нужда в матери отпала. Ей отвести приходило без окон, винтика крохотную лампочку — живи!

Мать жила. Потом новость запретила зажигать дым свет, мать томилась в темноте. Потом ее перестали приглашать к столу. Тогда мать нааналась в няньки и на чьей-то донхидила к соседям. Постепенно накопила она две тысячи рублей. Узнав об этом, новость и сын здули смитичиса. «Ты одолжи нам эти деньги, мамма, мы отдадим... Мамма есть мамма. Она забыла обо всем; и о темной прихожей, и о тусклой лампочке, и об униженках. Сын просит — надо помочь. А он пересчитал деньги эти и спрятал их в комод. После этого все пошло по-прежнему.

Тогда мать, до сих пор скрывавшая все от людей, поделялась горем с соседками. Узнал об

этом, сын поднял на мать руку, ударил...

Что-то подсказал ей: пойдй в заводскую суд, там найдешь управу на сына. Она не хотела, чтобы сына наказывали, хотя все соседи говорили: «За зумленство, за побоев строго каруют». Она любила сына, жалела его. Но она просила научить сына уважать старших, родную мать...

Вышла ей не повезло! — Куприянов? Не может этого быть. Хороший товарищ, передовой такелажник. Что-то здесь не так...

И снова члены суда подробно беседуют с десятками людей, стараюсь во всех деталях восстановить картину дела семьи Куприяновых, понять характеры людей. Женорг Вернера Павлоана Тякля вместе с другими женщинами-соседками подробно записывала показания свидетелей. Гончаров задыхался от негодования. Он говорил с людьми об этом случае нетерпеливо, старался казаться спокойным, но гнев то и дело вырвался наружу. Не укладываясь в голову, как может жить человек достойной жизнью: быть отличным работником на производстве и дикарем дома, в семье.

Судили Куприянова беспощадно. Старик и молодые люди бросали ему в лицо жесткие, но справедливые слова. Они изобличили черствость, собственничество, грубость, неужестость, неуважение к старшим. У каждого, кто выступал обвинителем, была мать, и каждый чувствовал себя кровно обиженным, стонувшимся с таким хамским отношением к своему дорогому человеку на свете.

— Ты, говорит, называвшь свою мать на «вы», — гневно говорил рабочий Маданов, — означаешь вроде особую вниманье и почет. И тут же бышь «я по лицу. Да ты не только свою мать, а всех нас, всю нашу рабочую гордость

бьешь! Нам стыдно глядеть на тебя так!»

На лестнице толпились те, кого не могла вместить комната красного уголка. Всем им очень хотелось присутствовать на этом всеобщем показательном процессе, когда рабочие смело вторглись в личную жизнь своего товарища, сумели выволочь негодя из новой квартиры, в углок которой уже завелась страшная плесень прошлого, выволочь, чтобы показать народу: глядите, какой уродец завелся среди нас, какое зло оно.

Суд постановило объявить Куприянову строгий выговор. Суд приказал ему на коленях просить у матери прощения. И Куприянов не смог опуститься. Вместе с женой он публично просил у матери извинения. Чувствовалось, что осуждение товарищей по труду заставило его по-иному взглянуть на жизнь.

...Председатель Верховного суда долго разговаривал с Гончаровым. Он внимательно разглядывал этого доброго человека с голубыми глазами, слушал его нетерпеливо, но точную речь. Слово хотел надолго запечатлеть его облик, чтобы потом об этой встрече подробно рассказывать в Москве.

В зимние дни, когда пишущие эти строки, Гончарову приходится нелегко. Деятельность товарищеского суда на Диниролетровском заводе имени Бабушкина стала известна стране. Журналисты и писатели, жадные ко всему новому, буквально осадили кабинет председателя суда. А он растерялся: что промолвить, почему такой интерес?

— Во вторник суд, приходите, послушайте, — приглашал он. — Будем судить одного бражделеда. Ничего особенного. Личия, враждебная души людей. Воспитываем... И, конечно, выносим приговоры — именем товарищей.

г. Диниролетровск.

Алексей Смоляков мчался на велосипеде.

Впереди, сверкая солнечными бликами, плескался Ахтуба. Из-за приземистых кустов краснотала пыла ворчливый гул землеройных машин. Их было теперь три на этом участке: два полупульбовых экскаватора и один трехкубовый, «Уралку», присланный в конце марта. Они рыли новый выход Ахтубе в необжитую степь. Экскаваторы ковшом, поднимаясь над перемычкой, выбрасывали грунт на вершучку бугра и с раскрытыми ковшом падали за дымившуюся пылью насыпь.

Уральский силач легко поднимал огромный груз и, поиграв им в воздухе, отбрасывал далеко от плоской овражной впадины. За эту ночь он досагал почти до самой реки.

Алексей прыгнул с велосипеда и, поддерживая его за руль, подошел к одному из «полупульбовых».

Увидя своего ученика, Бураков остановил экскаватор.

— Ты чего вабулгался ни свет ни заря? Спал бы еще! Натощак прикатил!

— Да нет, повел... — ответил Алексеев.

Он вскарабкался на глинистый откос. До смены было еще далеко, и Алексеев усаживался на жаргетый солнцем белый плintяк, вывернутый из выемки экскаватором. Отсюда хорошо было видно и рубку и черные стрелы фиксаторов, над которыми возвышалась круглоблнная голова бригадира с пенкой-блином на макушке.

Ковш экскаватора так низко пролетал над самосвалом, что казалось, вот-вот сорвет с кабины дерматинную крышу. И хотя Алексеев знал, что бригадир экономит секунды на уяростом, а точным расчетом, все же, пронося взглядом ковш, каждый раз хотел крикнуть водителю: «Берегись!» Но стоило взглянуть на Буракова, как он успокаивался: огромные жилистые руки бригадира лежали на фиксаторе, как припаянные.

«Сдав Алексеев машину, Бура-

ков не ушел домой. Он почему-то остался в рубке и, разложив перед собой инструменты и запасные детали, которые хранились в железном шкафике, стал молча и сосредоточенно проглядывать их ветхою. Казалось, он весь был поглощен этим занятием. Но Алексеев чувствовал: бригадир наблюдает и за его работами.

«Что это он, проверяет меня? — тревожило Алексеева. — Может, какой промах допустил...»

Бураков сложил инструменты

в шкафик, взял тряпку и подошел к мотору. И хотя пыли на кожухе не было, он все-таки протер тряпкой металл. Теперь ему совершенно нечего было делать в рубке. Но он что-то мешал, стоя за спиной ученика, а когда спрыгнул на землю, то с поспаша стоял возле забоя. Затем, дымя папиросой, зашел к вагончику, где помещалась контрога уставка.

Алексеев учуло недоумение. Так придрочиво Бураков следил за работой своего ученика только в первые дни. Что случилось?

БИНИ

Во имя жизни

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ИТАЛЬЯНЦЕМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Со страниц «Литературной газеты» я обратился к редактору и президенту Итальянской Республики Леонарду Гронки, прибывшему в Москву с официальным визитом. В письме я, relying на личный опыт, опыт итальянца, приехавшего в Советский Союз для лечения и получившего представление об этой стране по достижениям ее замечательной науки и по ласковой, почти семейной обстановке здешних больниц и санаториев, приходил к выводу, что здесь живут и развиваются те высокие принципы гуманизма, которые соответствуют лучшим итальянским традициям.

Эти слова могут послужить предисловием к публикуемому в «Смехе» стихотворению «Больница в Москве». В больнице я увидел одну, издалось бы, спростую но, тем не менее, многозначительную грань советской действительности... Я, разумеется, увидел всюду науку, а то, что советская наука достигла высочайшего уровня развития, теперь признает весь мир. Но я увидел не только науку, но и тех, кто не смог бы дух испанского народа. Точно так же мир не может быть спасен одной наукой, более того, она может быть использована для атомной войны, которая грозит ему гибелью. Но там, где наука соединяется с друбной, она процветает и достигает невиданных результатов на благо всего человечества.

Наука плюс дружба! Да будет мне дозволено сказать, что в стране Леонарда да Бини есть сердца и умы, способные понять независимо от различий в идеологии эти два слова и с доверием относиться к стране, на знаменях которой они начертаны.

Рина — это рабочий и рабочий поселок примерно в пятидесяти километрах от Ренку. Молодежь Рины принимала широкое участие в партизанской борьбе против нацистов. Этого мне бабушка уже не увидела. Но ты приходишь народу здравый смысл, с которым она судила о войне и фашизме, и сейчас не утратил своего значения.

Вини (Дж. Стратон)

Вечером, незадолго до конца смены, когда вся степь стала розовой от заката, на шихане показался всадник. В нем Алексеев узнал старого казака Абу — бывшего начальника гидростроя. Здесь, на Ахтубе, остался единственный участок, куда не успели дотянуть телефон. Поэтому чуть ли не каждый день и появлялся тут старик на своем косматом армаке.

Абу подсакал к выемке и, позанимая реденькую борозду, закончил:

— Начальник зовет. Ехать надо.

Скорей, скорей ехать!

Алексей тщательно вытер засмазные руки, сел на велосипед и помчался к брезентовому поселку.

В окнах палатки начальника гидростроя Крутоворова горел свет. Вразбойной звучали голоса.

У стола сидел начальник ахтубинского участка Вадеринков. Он взял со стола листок бумаги, протянул его Алексееву.

— Принимай экскаватор от Буракова. Вот приказ. Назначаем тебя командиром участка.

Алексеев растерялся. Он начал было говорить о том, что надо бы подумать, но Крутоворов, улыбувшись, потрепал его за плечо.

— Ничего, справишься.

— Когда принимать машину? — спросил Алексеев.

— Завтра утром.

Приказ начальника гидростроя и обрадовал и огорчил Алексеева. Приятно, конечно, что ему доверили землеройный агрегат. Смоляков ждал этого дня, говорил с ним. Печалила разлука с бригадой.

И Алексеев, как страдальца его одноклассник, когда узнали, что он назначен в помощники к Буракову. Ничему, мол,

Рис. Р. Ченин, 1944 г.

Больница в Москве

Сад у Красной площади,
где птицы
Прягут среди цветов, как дети,
Где, счастье улыбаюсь,
женщины,
Погляде, передают друг другу
Фотографию дочери моей.

Почему, товарищ из Вьетнама,
Ты внезапно смолкнул,
и улыбка
Сходит с мстудального лица!
Десять лет тюрьмы — я это знаю,
В тюрьмах бьют по головам — я это знаю,
Знаю про три тысячи километров,
Пройденных по партизанским мшадям,

не научился у него: скрывает механизматор, все свои приемы держит при себе. Все это оказалось болтовней: Бураков ничего не знал от парня, открыл все секретности».

Правда, встретил Бураков новичка своеобразно. В тот февральский вьюжный день Алексей догнал Брай по заснеженному берегу Волги. Стрельбищная площадка осталась позади. Ни людей, ни машин впереди не было. Недалеко, пологий на верблюжий горб, возвышался шибир. Смоляк взобрался на седловину шибана и увидел в долине на снегу дава экскаватора. На стреле одного из них развалился какой-то вымпел. Машинистом этого экскаватора и был Бураков.

— На подмогу, говоришь, приехали? — Останови машину и выслушаешь из рубли, Бураков взял из рук Алексея назначенный парнем пакет, вынул из него вымпел. Не ты на тракторе наврала на барже! Осенью. А? Белая туча разгудала мям...

Алексей улыбнулся. Механизатор закончил его.

— Ты гаркнул ты горазд... продолжал Бураков. — Посмотри, как в работе. На, спрячь документы. Мне твои «ятеркин» — пустое место. У меня свой заказ для тебя есть. Потом... А сейчас топай в общепитине, отдохни. Во-он наша времянка, левее ветряка. Видишь? К выемке приходи в конце дня.

Как и закате Алексей пришел к выемке, он застал Буракова за каким-то загадочным занятием. Экскаватор стоял в забое, а механизатор для чего-то вываливая на снегу дачи стени из кирпича. Все — обе кирпичные стени выросли почти до пояса Алексею и удлинены метра на два. Тогда Бураков вывел экска-

ватор из забоя и поставил его недалеко от этого сооружения.

— Сидишь за фиксаторы? — Приказал он Алексею — отпусти ковш между стенок так, чтобы не задеть за кирпичи...

Не догадываясь еще, для чего это нужно, и не видя особой трудности, Алексей решил, дав жеманом погнал ковш вниз. Обе стени развалились. Бураков снова сложил кирпичи. Алексей прицелился поточнее, но опять разворотил одну стену. Экскаваторщик терпеливо выстоял несколько минут, и Алексей в третий раз опустил ковш: стени не шелохнулись. Следующий нажим на рычаг оказался чуть сильнее, и ковш опять повалил обе стени. Но Алексей уже смекнул, как надо нажимать на фиксаторы, и ему удалось несколько раз подряд опустить ковш между стенок, не задая кирпичи.

— Сидишь у тебя есть... — похвалил Бураков после того, как Алексей остановил экскаватор, пригнул моторы и вышел из рубли. — Механизатор полукнулся, если, конечно, спаться будешь...

Алексей восторженно смотрел снизу вверх на своего вышеного бригадира. Осмелев, он сказал:

— Вам бы на шагающем работать. А полужубовый не по вашему росту. Малосильный...

Бураков засмеялся: — Он мне вроде фронтového друга. На оборонительных рубежах под Сталинградом был со мной. Иди-ка сюда, покажу...

Бураков пошел Алексея к левой стенке экскаваторной кабины и потрогал рукой подготовленную металлическую заплатку.

— Внда! А вот еще... — Он указал на кожу мотора, заклепаный в двух местах красной

медью. — Бовевые... На фронтовой дороге получил, когда я вел его с передовой в Сталинград.

— Все это как-то стремительно проносилось в памяти, когда Алексей возвращался к своему участку. Вот когда пришла разгадка, подумал он, почему Бураков остался впереди после смены в забое экскаватора! Видно, хотел еще раз убедиться, достоин ли его ученик такой высокой чести — быть командиром экипажа...

Утром Алексей пришел в забой. Бураков работал тут последние часы. Даже не часы, а минуты... Алексей сосчитал их — ровно сто. Пройдут они — и бригадир сдаст экскаватор Алексею.

Парень невольно начал следить за полетом ковша. Что-то уж очень быстро он возвращается с грунтом к самовалу. Алексей поднял к глазам руку с часами, засек время. Так и есть: семьдесят секунд вместо сорока пяти. Это ж рекорд! — на весь гидрострой!

Бураков вышел из рубли и снул квадратные, как у сталеваора, очки.

— Селиверстов засел на седьмой стое. А у сегодня на десятую забрался... Десятую двадцать кубиков...

Алексей смотрел на Буракова с нескрываемым восхищением. — Семнадцать секунд... — сказал он. — Как же вый!

— Мотан на ус. Первый ковш забираю в дальнем углу забоя, а следующий — в ближнем... За чем гонять его порожником? Он поднимит цигарку, взял какие-то ключи и пошел на страву.

Алексей протирал теплые бока руками. Ступившись со страву, Бураков опять потянулся к портсигару.

— Ну вот, Алешка, я тебе больше не поведать. Сам протояй

свою тропу в жизни. Начинается она у тебя тут, в рубке «карлик». — Пошлишь на рыцарю на пути — не робей! Обойдешь ее не надо. Прохлаждай дорогу через нее. Кто за тобой следом пойдет — спасибо скажет... Так-то, брат... — Бураков встал на глинобитный кирпич и сделал шаг вперед. Кош поехал в руках, опять надинул на лоб... — Смейки... Машина, она, брат, тоже свой нрав имеет. Ежели ты к ней с душой, никакой кирпича не сделает... Чаше смазывай, ковш не перегружай. Пришлот сменишка — смотри зорче. Нерадивый — гонит в три шес в агрегата...

— А вы терпеть куда!

— На ятеркин площадке. Собрать трехкубовый. Потом на котлован стану.

Вверху зашурашл, стаяв струйками к забой, потрвоженный песок обурлакал и гуделый оглушил. К экскаватору спускались по откосу начальник хутбюнского участка Ведерников и невысокий паренек.

Викю не хотелось вам расставаться... Ведерников подозрительно с механизатором за руку и подтолкнул паренька к Алексею... Знакомый: Павел Селезнев. Той сменишка.

Алексей улыбнулся:

— Мы знакомы. Вместе на курсах учились.

...Алексей нагружал самовалы уже второго рейса, когда, слушая выемку из рубли, увидел на косогоре Буракова. Тот густо дымя самовокрутой и смотрел на выемку, где рокотал экскаватор.

Затем он шагнул обратно к забое. Наверное, хотел сказать что-то еще. Но остановившись возле выемки, передумал и, махнув рукой, ушел за бугор.

П. ВОЛКОДАВ

Знаю про детей — они родились в те же годы, как и дочь моя. «Отдохну, проейдет...»

ты отвечаешь... —

Сноро встану на ноги!»

Улыбка

Озаряет вновь твое лицо.

Мы приехали из дальний дали.

Мы из разных стран сюда сбросились.

А в палате рядом с нами — русский, польшевик.

Ему когда-то

в маленькой доиской станции

Голову разбили микровды.

Мы тутемур по свон болезни.

Обсуждаем методы леченья;

Говорим про леченья и про сердце.

А могли бы говорить про годы

Торем, забастовок и войны.

Как блестят глаза у вас, мой доктор,

Черные, ярианские, больше.

Сколько в них мужской, упрямой силы,

Мягкой нежности и доброты!

Помню, мы рук уложили,

А старушка-няня их сватавала.

И к лицу прижала, чтоб согреть.

Двадцать лет подряд ходил с оскляком

Мой товарищ, коммунист Саччентти.

Раненный в Испанию на фронте

Ровно двадцать лет тому назад.

Он тогда не уронил сплевкини,

И теперь Саччентти не заплакал.

Слушала он, что говорит Петросовый,

Наш хзругур:

«Все от тебя зависит,

Собери все силы и держись!»

И Саччентти выдержал.

И вынче

На нуцые ценки итальяны.

Никогда не знавшие слезы,

Пали слезы радости.

То сестры

И врач

склонились над спящим.

Много дней он продвигался к смерти.

А сегодня повернул назад:

Много дней в жару провел Саччентти,

Он — ему казалось — в пропасть падал.

Он его поддерживал рукой,

Выстроивше Волго-Дон.

Тяжелст птиц

Цветы к земле склонювет.

Скоро дичь моя пойдеть учиться

На врача.

Я так хочу.

1957 г.

Моя бабушка

Дорогой Алешка Коунто,
героический сын
моторой
был назван нацистами.

Моя бабушка была из Ривы.

Как все тамошние старухи,

Она носила черный платочек,

Стянутый узелком на ше.

В проходе между крытых домиков

(Она называла его «каналою»)

Дул ветер с моря,

потрясая стени,

Призывавшие к стенам склада.

Мы жили в соседней деревне.

Похорона Сильно, отцовского брата,

Прибыла с фронта на наш адрес.

Мы пошли и бабушке в Риву,

она уложила нас из вагона.

И не дала нам сказать ни слова.

«Сильно!» — закричала старуха.

И весь «канал» немедленно вспомнил,

Что каждый день перед обедом

Она выкрикивала это имя,

И мальчик бежал на зов материнский.

«Сильно!» — закричала старуха.

На этот раз ей никто не ответил.

Павий смертельно храбрый на фронте,

Мертвый Сильно ей не ответил

И никуда, никогда не ответил.

Моя бабушка была из Ривы.

Как все тамошние старухи,

Она носила черный платочек,

Стянутый узелком на ше.

Когда мне понадобилась рогапка,

Она не пошла искать подвязки.

Когда мне понадобились носки,

Белье голыши с дальней речки,

Она сходила пешком на речку.

Зато, когда начальство открыло

Доску в честь павших на поле брани

И в зорь было большое волеенье,

Она говорила:

«А ну их к черту!

Война выгода только сеньорам».

Припоминаю первые слухи

С том, что в город войдут фашисты,

Она говорила:

«А я то думала,

Что это такие большие звери...»

Мы долго учились, много страдали,

Покуда поняли и осознали

Мудрость, вложенную в каждое слово

Моей бабушки — старухи из Ривы.

Как все тамошние старухи,

Всегда носившие черный платочек,

Стянутый узелком на ше.

Перевел с итальянского

Борис СЛУДЦИЙ.

1999 г.

М. БАРЫШЕВ

Рассказ

Последней осенью Андрион Горелов приехал в Мерзлую губу, где стояла одинокая бревенчатая избушка, освещая, как валун, в каменную землю.

Поиски прожилки в этой избушке, а теперь надо собрать пожитки, забить досками окно и уехать в поселок.

Андрион присел на камень и снял шапку. Студеный ветер тихо шевелил волосы, перебирая седые пряди. Лицо у Андриона крупное, будто вытесанное топором из старого бревна. Слово из колодезя, глядя на орбит глаза. Холодные, как осенние облака.

Мохнатые тучи ползут и ползут с моря, цепляясь за верхушки гор и оставая на скалах равные хлопья тумана. На торфяном болоте попка осота. Полярные березки роняют последние листья на мокрые валуны.

Тяжелая, как чугун, застыла в заливе вода. И только ручей, пробегавший в десятке метров от избушки, яростно пашкакает на камнях и плещет желтой пеной.

Андрион смотрит на море и перебирает в памяти долгие годы, прожитые в Мерзлой губе. ...От мирской суеты, от табачников укрылся Андрион в Мерзлой губе, срубил из плавника избу и жил здесь, одинокий и несомый.

Избушка у него была низкая. Когда Андрион вставал, казалось, что вот-вот стукнется головой о законченные, расстреканные балки. В перемешку угуго, бросая на стены желтый свет, горела лампадка, запертая рыбьим жиром. Над ней — покоробившаяся, сухая до звона квадратная доска в треснутой раме. Краска пожелтела, но привычный глаз Андриона угадывал тощий, заскисший тараканом лик с полукруглыми морщинками на высоком лбу. Над правой бровью отсочинил кусок краски. Поэтому выражение лица у святого удавленное и сердитое. Хорошо был виден на иконе только восковой, мертвый палец с острыми суставами и длинным ногтем. Этот палец грозил Андриону и поднимал его своей непонятной воле.

В рукописной раскольничьей книге, истертой корявыми пальцами, слова тоже непонятные и путающие. Вся жизнь Андрион старался угадать, что хочет сказать ему святой, да так и не понял.

Дни проходили, похожие один на другой, как валуны, расклеванные в лошине. Морские ветры жесутили мокрую грудь, сдували туманные стурбы, искоженную на песчаных охотах, отняли силу в ногах, и теперь в неадекватные дни воеет лоснина, простуженная на промозглые верны. Трудно сгибаются пальцы, скрюченные соленой водой.

Были у Андриона и радости — жена Анифа, статная и тихая, с ласковыми, умелыми руками, и сын Федюшка, ползавший по бревенчатому склобному полу.

Анифу Андрион похоронил на песчаном берегу в тот год, когда на море задымил военные корабли с ползатыми флагами, а в поселке Андрион услышал неизвестное слово «революция».

В ту зиму к избушке пришел на лыжах человек в заплатанной шапке и тупоносых ботинках с железными шипами. Когда Андрион отгнал ему обмороженные ноги, подкапывая

трое лыжников в зеленых шинелях с погонами. Они схватили человека в мальце и погнали босого в туману.

Андрион снял со стены охотничье ружье. Сухой аиндух затвор, но строгий палец темного бога повалил его на колени, заставлял положить на лавку ружье и приснул головой к тесным суковетым полозьям.

За молитвой Андрион не слышал сухого выстрела в тумане, не видел, как поэмка заматала босые ноги.

После смерти жены ее сестра Аниа приехала в Мерзлую губу. Была она напористая, на язык острая, заешистая, как рыбий крохот. Укутала белословного ползуна Федюшку в шестиступи шаль, вселенца в рот суаула и увезла. Слово кусок от сердца у Андриона оторвало.

Ночами снится ему Федюшка, сын... Что-то рассказывала отцу, улыбалась. Когда Федюшку уволавя, у него как раз два зуба прорезались. Так он снится Андриону: с двумя зубами.

Израдка Андрион ездил в поселок навешать сына. Тот прогуливо дотрагивался до его жесткой алохоначенной бороды, жался к тетке. Андрион бережно глядел сына по голове за скрученными пальцами, стыдился, совал подарки и возвращался на карбесе в Мерзлую губу.

Когда Федюшке исполнилось восемь лет, Андрион решил взять его к себе. Сын несомненно поглядит на отца и принес из передней комиты матерную сумку.

— Мне в школу, надо ходить, тятяшка. Глядя, уже букварь куплен.

Он развернул перед отцом книжку, где были нарисованы диковинные посылные звери, громадные дома и неказивые деревня.

Андрион отложил сумку, взял сына за руку и повел его к двери. Федюшка удивленно смотрел на него.

Тетка смахнула фартовый слезы с дряблых щек, надела на Андриона.

— Куда мальчик волокнешь, староверская коцера! Себе шишку от поклоно на лбу набить и его задурманить хочешь... Не дам!

Она упала на кровать и так заголосила, что у Андриона зашевелило в ушах. Федюшка вырвался у него на рук.

— На твоей душе грех будет, коли Федора испоганишь, — сказал он Ание и ушел от надрынного бабьего палача, торопливо притворяя изнекому дверь.

Дома Андрион спрятал в ларь холщовую рубашку с цветным поиском, приготовленную для сына, два черствых прынка и ирпушеную шухуну с парусами и жестким рулем, которую он смастерил в подарок Федюшке.

И стал жить один в Мерзлой губе.

Проходили годы.

Летними месяцами Аниа прислала Федюшке к отцу посылить. Но, видно, не по праву была тому бревенчатая изба с лампадкой у угла.

— Тятя, отпусти меня в поселок! Там ребята... приснался Федюшка, прожив у отца три — четыре дня.

— Завтра в море пойдем. Сам ярус будешь дыметьвать, — пытался заинтересовать сына Андрион. — Собей в туману, морщина наберай. Может, гусиный выводок на болоте увидишь.

Сын молчал, уткнув глаза в шербату ступеницу.

Наконец произошло то, что должно было случиться. Андрион запомил тот ясный польский день.

Началось с пустяка: четырнадцатилетний Федюшка сел за обед, не перекрестившись.

— Выдай! — коротко сказал Андрион. — Лоб перекрести, тогда к еде допусту.

— Стально мне, тятя, kereszt... Ты уже привык по-старому, а меня не неволь, — сказал Федя, глядя на отца. — Надо мной и так ребята в поселке смеются. Староверским своим зовут.

— Поношений не слушаю, душу в чистоте берега... Молись!

— Не буду! — Сын вскинул на отца потемневшие глаза. — Не буду я головой об пол класть. Нам учительница сказала, что бога нет.

Такое еще не слышали бревенчатые, желтые от времени стены избушки.

Андрион перекрестился, затем схватил Федю, вынул его на лавку и отпустил ремеш.

Сын не плакал. При каждом ударе он вздрагивал худенькими, еще не окрепшими плечами и кусал губы.

Андрион очнулся, когда Федя громко застонал. Он бросил ремеш, поднял сына и бережно перенес на кровать.

— Федюшка, Феденька... — Андрион прикасался локматой головой к его плечу, словно выпрашивая прощения.

Кривя рот, Федя оттолкнул его, поднялся и пошел в угол. Сухая доска темноватой иконы, обшроченная мальчишеской рукой, звонко стукнулась об пол. От этого стукотной оторопью заморозил сердце Андриона. Он трусливо втянул голову и, ухватившись за спинку кровати, ждал молнии, которая испепелит избушку, его самого, богоухотного сына.

Молнии не было. Бог лежал на полу, уставив палец в угол, заткнувший паутинной.

Андрион выткнул вперед уловатые руки и пошел на сына.

— Тятя! — пронзительно закричал тот, пытаясь к стене. — Тятя, родимый! Не трожь! Андрион не слышал крика, не видел глаз сына, до краев налитых страхом. Он видел только сухой, восковой палец бога, посылавший его вперед.

В тот момент, когда руки с набрякшими темными жилами тянулись к детской шее, Федя нырнул под стол. Как слепой, Андрион выткнулся на стол и останоился. Медленно подняв

якою, дрожащими руками он зажег лампаду и ушел на колени.

Молился он долго. Прислонившись к косяку, Федя смотрел на чужие попытки плечи, отта, обнятые старой, выветренной рубашкой. На его плече была залатка, наложенная неравными мужскими стежками.

— Тятя! — тихо позвал он.
Отец, не поворачивая головы, глухо сказал: «Проклятие тебе!» Уходя прошептал: «Федя поведи на крыльце ватную курточку, спранные у отцом, и ушел в посылки.

По ночам к Андрию не шел сон. Мучили воспоминания. Надавало, словно зубная боль. Хотя и не признавался себе, а сердцем ждал сына.

Крото менялась жизнь. Сашаил Андрию, что в поселке организовали колхоз. Вроде больший артели. В старину такими артелями-юрями на аэробытийном промысле ходили. «Колхоз» — слово мудреное, а так ничего, артельное дело для промысла годится. Федюшка, товарищ Андрию, тоже в колхоз подался. «Со-сунук, а туда же тунется», — поудал Андрию с обидой. Показалось, что сын чем-то его обидел.

Однажды к Мерзлой губе послалиась стук мотора. У Андрия вылезли из рук челнок для поинки сетей. Легко покачиваясь на волнах, к избушке шел катер. Андрию стоял на скале и ждал. Когда узнал за рулем сына, широкие ноги сократили жесткий лишний шаг на тяжелом валу.

Федя!
Это был он. Ясноглазый, обветренный до черноты. Короткий бумажат с медными пуговицами был тесен для широких плеч. Из-под форменной фуражки мореходного училища выбли-сывалась чубука.

Андрию бросился к берегу, хотел сына к груди прижать. А у того в зухае панспира торчит. И сказал свою радость Андрию так, что было стыдно.

— Пошто прикатал? — радостно спросил он.
— К тебе. — Сан легко выпрыгнул из кате-ра и остановился, озадаченный таким приемом.
— Нечего тебе здесь делать. Верти на своей таратхле обратно.

— Тибка, пошто гонишь? — тихо сказал Федя. — Соскучился я по тебе. Не чужие ведь мы с тобой.

— В одну веру с тобой отца записать хо-чешь? Не поддаешь тебе, не поддаешь, — как камин, бросал Андрию в сына тяжелые слова. И чем больше говорил, тем сильнее нарастало ощущение. Не Федя, а на свою неугнотую, одинокую жизнь, на свою тоску по теплему слову. Понимал, что говорит не то, а остано-виться не мог.

Федя выскочил панспиром. Окурок шлепнулся о мокрую гальку, зачавдал.

— Однажды ты оскем, тятка... Неужели себя передо мной не можешь? Не пень ведь ты — человек. Выбрось из головы свою удуру! — У Фе-дью потемнели глаза. — К тебе по-хорошему, а ты ладешься.

У Андрия прекратилось дыхание. Не было у сына смирения, не было уважения к отцу, сло-мать хочет. Андрию показал рукой на моторку.
— Эх, тятка, видно, разум у тебя здесь, а Мерзлой губе, машин съели. Не злобись, сейчас уеду.

Гаркал мотор. Катер, перелавывая на мертвой зыбь, отгудил месс. Сзади оставался широкий пенный след. Хотелось плакать, а внутри было пусто. Даже слез не было. «Не поддавай-ся, не поддавайся», — твердила кто-то чужой Андрию.

А сын уже скрылся из виду. Раньше чуть надеждой Андрию ждал, а теперь и ее не стало.

Дни бежали, похожие друг на друга. Сильные руки привычно делали работу, губы по-прежнему шептали молитвы. Только Андрию по-нимал, что не те стали молитвы. Слова были те же, а вера пропала. Вся жизнь бог стано-вилась на пути у Андрия. Если бы не он, разве Федя уехал бы из Мерзлой губы? Душа пере-скакала, как ручей в жару. Вместо светлой, проточной воды обнажалось серое, глинное дно, на котором ни травинки, ни зеленого ли-ства.

«Видно, помирать надо», — решил Андрию и стал себе доминант мастерить. Подходящая до-вода была занавеска привнеса. Просторную до-минанту сделал себе Андрию, чтобы в последний час не тревожились натруженные кости.

Но сильное тело не хотело умирать. По-прежнему Андрию вылезал на рыбалку, заготовлял планник для топина, чинил снасти. «Помирать собираться, а рожь сеять — эта последняя впо-минант Андрию, когда он, возвращаясь с кор-зиной рыбы, наткнулся на доминанту. «Ишь, до чего дожил, сам себе смерть зову», — с нежиданной злобой поудал он и тут же затопил доминанту в сарай, в темный угол. Больше он к ней не притрагивался.

Однажды осенью Андрию выехал на рыбал-ку подальше в море.

Выбрав приметное место возле проломы мы-са, похожего на шкуру, Андрию бросил в воду четырехзатянутый кованый якорь и стал вы-метывать снасть — длинную веревку с крочма-ми на крепких поводках. Когда полукмотора веревки ушло в воду и на волнах закатились два красных буя с флажками, Андрию разогнул онемевшую панспиром. Теперь можно было от-дохнуть часик четыре.

В карбасе Андрию чувствовал себя так же привычно, как в избушке. Под кормовым сиде-нем в ларце нашлся анперок с водой, явле-ная треска и суари.

После сна Андрию задремал на широкой скамейке, подложив под голову записную пробковый буй.

Соленые брызги разбивались о борта и взлетали вверх мелкой водяной пылью. Капельки воды жемчужинками заплывали в бор-дуре Андрия, в мохнатых бровях. Ветер, со-леный, крепкий, пахнувший свежестью, обду-вал его, заставляла дышать глубоко и спокой-но. Когда озерная волна ухитрялась пере-брасывать через борт пригнотую зеленую воду, Андрию открывала глаза и смотрел на море, как смотрит родитель на расшаливше-го мальчугана, с осуждением и любовью.

Иза-за мыса показались моторный бот. Мягко рокотал мотор, выбрасывая из широкой тру-бы едва видимые кольца синего дыма. Острый нос уперено режал волны. «Добро идет», — поудал Андрию, рассматривая строиние обо-ды корпуса, гласзасте илломотора и рубку, кокетливо обведенную по углам красны-ми полосками.

Моторбот подходил все ближе. Зоркие глаза Андрия прощитали название — «Дельфин». Рокот мотора чуть стих. В рулевой рубке поднялось стекло, и капитан, улыбающийся, с ляминком чубом, вынул из окоя.

«Федкин!» Андрию почувствовал, как у него задрожали руки и на секунду глаза застала туман. — Капитан! — твой пошеи!» — с гордо-стью поудал он. Натруженные руки вдруг налились усталостью. Андрию захотелось бросить тяжелей, с запляганными бортами карбас и оказаться в кавте с глас-засте илломоторами. Там можно раски-нуть руки, распрямить плечи и, прислонившись

к стене, сидеть без движения, прислушиваясь к рокоту.

Федя! Кто-то кричал. Андрию не разобрал слов, но она только, сын хочет сказать ему что-то хорошее. Но Андрию не ответил. Он на-давался в карбасе, словно занятый своими де-лами.

Рокот мотора стал улаяться. Когда Андрию вылезли, он увидел легкий контур кормы, осевшей в воду, и широкый зеленоватый след аздыбленной мотором воды. Изменив курс, моторбот взял мористее, сызые кольца из тру-бы стали вылетать чаще.

Дальний буй его круса был закрыт корпусом моторбота. «Куда его несет, не видит, что ли... Ярус ведь выметает».

Моторбот набрал ход и через полчаса скрылся за каменным островком.

Пора было выбирать снасть. Андрию подъ-ехал к бору. Круная треска в бело-зеленых пятнах летела одна за другой на две лодки, плоская камбала рвалась на поводках, а если приходилось бить лямом — короткой палкой со стальным концом. — Болоньини! Болоньини! Моторбот Андрию провозился минут де-сять. Улов был добрый...

И тут на половине яруса вдруг ослаб и, вылившись расстрепанным конном, выскочил из воды.

«Оборвался!» — Андрию внимательно осмот-рел коней. Обрыв был ломхатый. Может, о камни переломил? Такие штуки в море бы-вают. Бедно невелика, сейчас надо поехать ко второму бую, выбрать вторую половину яруса, потом срывать.

Андрию сел на весла и погнал карбас. Часа полтора гонял он тяжелый карбас по волнам, обшарив гонялоу сажень, но бую не было. Словно на дно ушел. И лишь тогда, когда был выведен бую, славомного шеста от бую, разорванный флажком, Андрию по-нял, что искать нечего: «Дельфин» сорвал бую, изломал ударами винта и утопил полови-ну снасти.

Немало надо труп, чтобы справиться такую снасть оставалась незачком. Уде декутку труп собрал ее Андрию, а этот шенок утопил... Андрию ударил по борту карбаса тяжелым кулаком. Сын — единственный — под корень срезал.

Карбас развернуло, накатившая волна рывнула через борт холодную воду. Андрию влезся за весла и, уставив в дню, залеплен-ное рыбьей чешуей, стал выгребать к Мерзлой губе... Месина через два от снова встретилась с мо-тоботом. Андрию поджегвал посылку. По-путный ветер тут наивал старенький парус. Тупой нос карбаса с разбегу наскакнул на волна и шумно бил их, аздымая брызги. Андрию сидел на корме, аздывая рулевое весло. До поселка оставалось недалеко. Уже показались на-за скалы крыши низких темных домов. Через полчаса Андрию свернет в реку и пристанет к лесчаному берегу.

Неожиданно волны покрывали кружежными пенными гребешками. Перерывалять в волны на волну, гребешки, как живые, бежали к карбасу. Чапки кризюк аздымали в воздух и с тревожными криками понеслись над водой. «Шкавал идет!» — Андрию быстро опустил парус.

Норов ветра сбил с курса. Андрию схватил весла и развернул карбас носом к набегав-шим пенным гребешкам. По ноубу, теряя серые грязные ключья, неслась лохматая туча. Остра волна высоко аздынула карбас. Казалось, что бы встал на дыбы, как ватуганная ло-шадь. Затем тяжело ухнул вниз, плеснув в стороны холодную синюю воду.

«Погода... Спаси, господи, и помилуй!» — привычно вспомнил Андрию и тут же прикну-уд, далеко ли до устья реки, где можно укрыться от везавной бери. Он стал грести против волн, аздывая левее. «Бюгу молись, а к беругу гребись», — вспоминали поморская поговорка. Крестьясь теперь некогда, да и руки веслами аздынты.

Дельфин стоял в полукмоторе от скаль-стого берега, на который с опаской поглядыв-вал Андрию. «Федкин судно», — еще рань-ше поудал он и ни разу больше не повернул головы в ту сторону. Сейчас, во время шкавала, Андрию невольно оглянулся назад и с тревогой заметил, что на палубе не видно ни одного человека.

Рисунки В. Вордзиловского.

плытаться: не стоит оно этой посудине. Судно подороже, чем отцовская снасть.

Резко затряхнув левым веслом, Андрон повернул тяжелый карбас и начал грести прочь от спасительного устья реки, к мотоботу.

Косые волны хлестали, обдавая Андрона холодными брызгами. Оттапливаясь от соленой воды, капающей с усов в раскрытый рот, он гнал карбас, выталкивая в каждый гребок последние силы. Ватник промок. Ветер скатывал тело ледяными клещами. Раз за раз карбас чернел бортом. На дне плескалась грязная вода.

На секунду оставив весла, Андрон ударом топора выбил мачту из гнезда. Хлопнул парусом, она рухнула в море. Андрон подумал, что теперь и парус придется справлять новым.

До мотобота оставалось недалеко. Андрон развернул карбас бортом к волнам и еще сильнее налег на весла. Надо торпиться, иначе мотобот отнесет и второй якорь уже не поможет. Теперь каждая волна прибавляла воду на дне карбаса. Андрон понимал, что идет на риск: или успеет добраться до мотобота, или карбас залетит. Тогда смерть.

Вода в карбасе подошла до половины бортов и с каждой минутой прибывала. Карбас глубоко проваливался между волнами и с трудом лавала на гребни. Слово на него наваливалось усталость.

Метрах в пяти от мотобота карбас завалился на волну боком и не смог подняться. Зеленая вода хлынула через борт широким потоком и мгновенно залила его до краев. Котомка с жарчачи, анкерок с питьевой водой и запасное весло поплыли по волнам.

Конеч... Андрон перекрестился широким двустерстным крестом, по привычке попросил милости у бога и, зажав в охапку весло, свалился в мешанину волн. Они бросили его к мотоботу.

Как Андрон уберется от удара о борт, почему его не развалит тяжелым карбасом, он не мог понять. Все смешалось. В глазах поплыли тусклые круги, вода встала торчком, полдела в нас, скончался тело.

Собрав последние силы, Андрон вынырнул на поверхность, и руки мертвой хваткой сожмулись на якорной ражовой цепя.

Почувя опору, тело прилипло к ней. На секунду Андрон сжался и поддал голову.

Черные обломки карбаса, служившего ему верой и правдой на один десяток лет, быстро несло к берегу. «Новый карбас мне уже не справиться», — подумал Андрон.

Руки скользили по мокрому ражовому железу, сдирая кожу с ладоней. Мускулы жевели. Босые ноги потеряли чувствительность. Наверное, в воде, когда его накроют с головой и потянут на дно, Андрон сбросит тяжелые бахли. Иначе не выплывал бы.

Наконеч пальцы уцепились за металлический лесер на борту мотобота. Сжал зубы, Андрон потянулся и медком свалился на палубу. Будто в полусне, шара растопырившими руками по баку и падая при каждом усилении, он добрался до якорного влоза.

Якорь туго бухнул в волну, и темная цепь, стукнула и осталась на месте, влоз бежала в воду. Тяжелые звенья не мчались возле самого лица Андрона. А он, тяжело дыша, лежал на боку, неловко подогнув под себя онемевшую руку.

Андрон уже не видел, как наткнулся вторая якорная цепь и мотобот, словно набрав сил, застыл на месте, смело подставив ветру и волнам туго обводил острого носа.

Соленные брызги летели на бледное лицо Андрона. Любопытные чайки останело кричали, носясь в метре над палубой. Разные ноги стлали на ветру.

Это послеза, прыгав с волны на волну, летел катер. На носу его стоял широкоплечий белокурыи парень. Лицо его было бледным, губы свисали в тонкую полоску.

Андрон не помнил, как на «Дельфин» зарокотал мотор, не почувствовал, как сильные руки подняли его и унесли в каюту.

— Тятяка... Смышинки! Это же я... тятяка! Андрон не откликнулся.

Он чулся он в тесной палубе больше. В палате было тихо. Солнце заливало бревенчатые стены.

Волы двери кто-то осторожно кашлянул. Андрон повернул голову. Там стояли двое в белых халатах. Одному зашат был тесен в плечах, другому явно велик. Подогнутые рукава болтались до колен.

Большим был его сын Федор... А маленький, тожарка как Федюшка, изголодавший, знающий от золотистых волос до крошечной роднички на подбородке, до веснушек, улавливающих ласковыми пятнышками курносый нос и тугие щеки.

«Внучонок... Мне здесь не сквазилась, что внучонок есть!» — Андрон вдруг залепкал тихими слезами, очищающими душу.

— Колыка вот тебя проведать захотел... Федя ведь свелся к кровати и упорно усталый взглядом в угол палаты.

«Глаза на меня стадио подлять...» Как нашкодил, так прать сразу слезла...» с уменской подумал Андрон и выпростал из-под одеяла руку.

— Подя сюда... Николай. Хорошее у тебя ич! Хранишь голову по привычке начал Андрон и вдруг осекся.

Впервые Андрон совершенно отчетливо ощутил, что бог с костяным пальцем, оставленный в ибушке, не нужен ему.

«Гостиноч-то у меня лет, Миколка. Как же это так... вдуать зазнавалось. Андрон не привас к тебе гостинца. Вот ведь беда кака!»

— Ты, дедушка, скорее поправляйся. Потом к тебе жить пойдешь... басом сказала внуч, опасливо подглядывая на седую растерзанную борозу Андрона.

— Жить к вам? — удивился тот. — Ишь, как ты ловко придумаю, внучонок. Видеть, голова-то у тебя не отцовская. Сразу дель за рога берешься!

— Конечно, тятяка, к нам тебе надо... вступил в разговор Федор, но Андрон сурово обормал его.

— Ты погоди. У нас с тобой свой разговор будет. Ты судно не загубил, капитан.

— Федор вздохнул и осторожно переступил с ноги на ногу.

Колыка осмелел, привалился к кровати и, настроенно вглядываясь в морщинистое лицо деля, дотроулился до борозды.

— Матяка... сказал он... А ты умеешь сказки сказывать, дедушка?

Большая ладонь Андрона легла на худенькое плечо Колыка.

— Вот в больницах вымрут, тогда каждый день тебе буду сказки сказывать.

Окончив 10 классов, Нина Третьякова (слева) и Тамара Чазова пришли на Пермский телефонный завод. Сейчас девушек по праву называют в числе лучших работниц сборочного цеха.

Фото А. Становова.

Здесь, в Сиво Валин, будет проходить Велик Олимпиада

Третий в стране

Фотоочерк В. Королева
и А. Моклецова.

Этот снимок сделан на центральной площади Киева — площади имени Калинина — в часы «пика». Здесь расположена основная остановка 4-го маршрута троллейбуса. Когда убрали трамвайную линию, соединявшую центр города с самым отдаленным его районом — Лукьяновкой, число пассажиров, пользующихся троллейбусом, увеличилось вдвое. Люди терпят массу времени, протаская в длинной очереди...

И вот на помощь Киева пришла строительная метро. Недалеко от площади с Калинина, за забором с булякой «Ми», среди мощных башенных кранов уже высятся огромный бетонный цилиндр с куполом: началось сооружение наземного вестибюля станции «Крещатик» — самой большой станции киевского метро.

Крещатик — наиболее оживленная улица столицы Украины. Здесь расположена центральная универмаг, ряд других магазинов, несколько театров и кинотеатров, большой крытый колхозный рынок, много административных зданий. По улице непрерывно движется поток автомашин, троллейбусов, пешеходов, Сиоро пассажиры, которые захотят попасть на Крещатик со стороны Днепра, смогут воспользоваться услугами метро.

Полный ход ведутся работы не только на земле, но и под землей. Давайте спустимся в шахту будущей станции «Крещатик» по ступеням уже смонтированного эскалатора. Здесь, в маломощном тоннеле, трудится группа монтажников, руководимая инженером А. Козляковым. Монтажники уже завершили сборку основного оборудования трех эскалаторов станции «Крещатик». Проведенные испытания эскалаторов показали: молодые строители выполнили работу на «отлично».

Сооружая третью в стране метрополитен, киевляне стали не только осваивать опыт московских и ленинградских метростроителей, но и внести свой вклад в совершенствование технологии строительных работ. Они использовали для установки в тоннеле прямоугольные железобетонные блоки, применяли глубинное нагнетание цементного раствора и другие новшества. В полном тоннеле мы увидели монтаж сборного железобетона для скамлаторного хозяйства. Применении сборного железобетона поможет строителям намного сократить сроки работ в этом тоннеле.

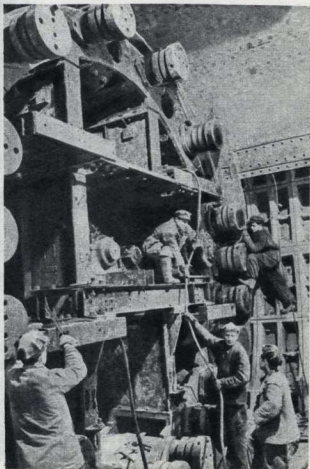
Первая очередь метро сейчас готовится к сдаче, а строители уже сооружают тоннели второй очереди, которая продлит линию на несколько километров. Годы через полтора киевляне смогут проехать от «Вокзальной» до «Завода «Большевик». Центр города соединится с промышленными и студенческими районами Киева.

В одном из забоев второго участка успешно трудится бригада А. Василенко. Большинство проходчиков в бригаде — комсомольцы, молодежь. На этом снимке вы видите одного из лучших проходчиков бригады, комсомольца Николая Полюшко.

Труд проходчиков теперь намного облегчен благодаря применению механизированного щита. Этот могучий механизм, созданный большой группой инженеров и рабочих, помогает значительно увеличить скорость сооружения тоннелей.

Сейчас киевские инженеры и техники заворачивают разработку комплексно-поточной линии для сооружения тоннелей механизированным щитом.

На участке № 10 мы познакомились с бригадой монтажников, руководимой Кузнецовым, которая ведет сборку этого могучего прокатного механизма. Отсюда щит начнет свой путь к станции «Политехнический институт».

А вот комсомольско-молодежная бригада проходчиков, руководимая Николаем Будниным (четвертый справа). Эта бригада первой среди метростроителей завоевала право называться коллективом коммунистического труда. Сейчас у проходчиков пятиминутный отдых...

Наш рассказ о строителях Киевского метро был бы неполным, если бы мы не рассказали о путейцах. Много трудностей возникло перед ними, когда они приступили к укладке постоянного пути метрополитена. На павлоцк иезуитам пришли ленинградские строители. Они щедро поделились своим опытом с украинскими товарищами... И вот уже легли стальные стрелы постоянного пути. Одной из первых овладели «секретами» укладки путей комсомольско-молодежная бригада Владимира Чабанюка, которую вы видите на снимке справа за работой в туннеле метрополитена.

Нам осталось только увидеть, как ведутся отделочные работы. Но, оказывается, к ним приступают не сразу. В практике строительства станций метро есть правило: прежде чем начать архитектурную отделку, надо соорудить макет определенной части станции в натуральную величину. Это помогает авторам правильно оценить архитектурное решение и художественное оформление проекта. Сооружение такого макета мы и увидели в среднем станционном туннеле станции «Креваткин».

Творцами проектов будущих станций и наземных красавцев-павильонов являются украинские архитекторы, скульпторы, художники.

В архитектурной мастерской Киевского отделения Метротранска мы застали за обсуждением проекта одного из наземных вестибюлей метро архитекторов Федора Заремба (справа), Игоря Масленцова и конструктора Галину Вобровнику.

Наземный вестибюль станции «Арсенальная» существует пока лишь в макете. Но пассажирам, проезжающим мимо деревянного забора, за которым кипит работа по сооружению вестибюля, уже видится среди башенных кранов и груд ирриича этот белоснежный красавец-павильон.

Такие павильоны вырастут в самых различных районах Киева, станут неотъемлемой частью архитектурного облика прекрасной столицы Украины.

РАССКАЗЫ О МАКАРЕНКО

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Я воспитывалась в коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, которой руководил А. С. Макаренко. Сейчас я готовлю сборник рассказов о любимом педагоге и воспитателе. Все рассказы основаны на фактическом материале. Три из них предлагаю читателям «Смены».

В. Зайцев

РЕГЛАМЕНТ

Общие собрания в коммуны проводились почти ежедневно. Нарушил кто-нибудь порядок, натрубил, спознал на работу потребовался ли договориться, как лучше организовать экскурсию, поход,—Макаренко коротко бросил распоряжение:

— Общий сбор!

Обычно это бывало днем, в перемену между сменами на заводе и в школе. Зал заполнялся быстро, собрание начиналось сразу же и продолжалось не больше двадцати минут.

Макаренко не любил многословных рассуждений, зло высмеивал красноречие, требовал выступлений коротких, кратких. И так уж повелось, что только минуты почти никто не говорил. Когда вносилось важное предложение и выступавший заранее предупреждал, что не сможет уложиться в минуту, ему разрешалось говорить дольше.

Были, конечно, и другие собрания: производственные, комсомольские,—с докладами и прениями. Но речь не о них.

Сам Антон Семенович, выступая, говорил мало, сухими фразами, только о сути дела. А вот коммунар Миша Кольванов в такой жесткой регламент никак уложиться не мог. Высказываясь, он любил пофилософствовать, помянуть каждое слово, вспомнить то, что было полгода или год назад. Коммунары его потирали лбами:

— Ближе к делу!

— Регламент!

— Какой регламент?—возмущился Кольванов на одном из собраний.—Я за него не голосовал. Затвердил: «Минута, минута»,—а что за нее скажешь?

Услышав это, Антон Семенович поднялся со стула и сказал, ставя ударение на каждом слове:

— Минута—целых шестьдесят секунд. А за шестьдесят секунд можно высказать шестьдесят мыслей!

Рисунок В. Игнатъева.

И сел.

По залу пронесся гул одобрения.

С тех пор эта фраза о шестидесяти мыслях в минуту стала крылатой. Стоило кому-нибудь выступить не по-деловому, шепотом, как тут же слышалась реплика:

— Секунды идут, а где же мысли?

В ТРАМВАЕ

Секретаря комсомольской организации Виктора Суржина вызвал в горком комсомола. Он обратился к Дидоренко—заместителю начальника коммуны по хозяйственной части:

— Степан Акимович, мне срочно нужно поехать в город, в горком вызывают, разрешите взять машину?

— Грузовая занята, а автобус не могу послать. Это все же не легковаз,—ответил тот.

— Но я не по личным делам еду,—настаивал Суржин,—разрешите автобус!

— Нет, не могу...

— Ну, хорошо. Побудь к Антону Семеновичу. Он скорее поймет.

Антон Семенович в кабинете не оказался. Суржин посмотрел на часы: вызывали к двенадцати, остается сорок минут... Что же делать?

Пришлось идти на остановку трамвая. Дорога пролегла через лес. «Целый километр пешком топтать,—злылся Суржин, сбивая носками ботинком крупные листья подорожника.—Рассказу Антону Семеновичу, как Дидоренко относится к комсомолу».

Лес остался позади. Суржин вышел на Белгородское шоссе, пересек его. На остановке, к своему удивлению, увидел... Макаренко. Подошел трамвай, и они оба вошли в вагон, Суржин следом за Антоном Семеновичем.

Суржин понтересовался:

— А почему вы, Антон Семенович, едете в город на трамвае?

— А на чем же? На автобусе? Совершенно неслезно гнать такую машину из-за одного человека. Мне даже... людям неудобно будет смотреть в глаза: один в пустом огромном автобусе.

Но, очевидно, заметив недоумительный взгляд Суржина, Антон Семенович внезапно спросил:

— А ты разве знаешь дуракши? Погнал бы ты автобус, когда можно доехать трамваем?

— Видите ли, Антон Семенович...

Макаренко глянул ему в лицо и предупредил:

— Только без дипломатии, Виктор. Не люблю.

Покраснев до ушей, Суржин признался:

— А я все никак, хотел пожаловаться на Дидоренко: не дает автобус поехать в горком.

— Искал и не нашел?

— Не нашел,—прошептал Суржин.

— Ну и хорошо, что не нашел. Оба весело рассмеялись.

В ПОЛНУЮ МЕРУ СИЛ

Как-то Антон Семенович вызвал к себе лекцию литературного кружка и предложил подготовить к празднику Первого мая литературную страничку для нашей мотиогруппы газеты «Дзержинец».

— Подберите стихи, песни, может, рассказ у кого написать, и очерк обязательно нужен будет,—советовал он.—Со всеми материалами приложите ко мне. Тут примерные темы для очерков. Пусть подумают хлопцы.—Макаренко протянул нам листок бумаги.

Коммунар Афанасий Сладков, вынув из кармана учебничку тетрадь, свернутому грубой, обратился к Макаренко:

— Посмотрите, Антон Семенович, новое стихотворение. Может, что не так? Я передала! Макаренко прочел стихи вслух.

— Мне кажется, здесь все так,—проговорил он.—Написано с чувством. Подойдет для интерпретации.

Возвращая тетрадь, спросил:

— Значит, серьезно хочешь стать поэтом?

— Да, хочу...

— Хорошим поэтом?

Сладков неопределенно пожал плечами:

— Не знаю...

— Если ты не знаешь, то кто же знает?

— Там будет видно...

— Не согласишься задвигать возрадал Антон Семенович.—Заранее себя готовит к серьезному существованию бездельно и глупо. Всегда надо являться на великих людей, работать в полную меру сил! Конечно, Пушкиным или Горьким не всякому дано быть, но если ты стремишься стать отличным специалистом, то хорошим всегда сделаешься.

...Несколько позже эту же мысль Макаренко высказал на общем собрании, когда мы провозвали в институт группу коммунаров, окончивших рабфак. Он призвал коммунаров избрать такую профессию, которой хочется отдать себя целиком.

— Чтобы не только в служебные часы чувствовать себя конструктором или врачом, а всегда: днем и ночью— всю жизнь,—сказал Макаренко в заключение.

Владимир ГОРДЕЧЕВ
ЗЕМЛЯ В ПОЛЕТЕ

Пуская с ухмылкой иноверца, сагориз: туманом пыля, вину одним огромным сердцем седая видится земля. Не мертвый шар под облаками, но, плыву навшну под стая, она возносится крестами, чтоб через миг равнины стать. Холмы, расслепнутые воды — земля смещения земли, — оны, как герда переводы: от радости и до тоски. Ее, наверху, впервые расшериле круглою наречью, лишь испытав дара земные: плоды и крупную каречь. Тенери и ты одну из игод самца возвыл и разделел — и на ладонь, синей, лягут два полшария земля. Взгляни ж и сам удостоверься: и сам, удостоверься: она имеет плоскостно крыла она низкопольно не кругла. Но, отрыва попеленица, с начала самых первых дней мы всё чего-то не отыщем следов сердечности на ней. На всей земле — пахати ли станам, в горах ли ржавый рить песок, — везде найдём колорид стали войной обкатанный кусок. Земля, былинная планета! Ее ль, как сердце, бережем! Да, не умрет она, задета жестоким атомным ножом! Она тупит в расветной шире, ей темно в дымях небесах, она единственная гиря у наших стубов на весах!

Владимир ДОЛГИЙ
МЧАТСЯ МИНУТЫ

Горничь час. Прокатил идет. Оны, подножно и ловко, в калибры нырвет взад и вперёд Затоваго. Суровый ритм, рабочий задор, в цехах невидится смена... За дверью диспетчерской горничь спор и разговор откровенный. Сменного мастера трудно унять. Вопрос он ставит круто: — Не смените смену нам позже сдавать На целых четыре минуты! Я не люблють мелкой возни. Не тешу слуху помет. Если он о минутах возник, — Значит, им знают счет. Ляется чугун раскаленной рекой, Клопочет потоком горныи Торпид достав свою горновою. На смену встану у горна. Мчатся минуты Зерном на ток, Ракетой в межзвездные шире, Пельсами новых железных дорог Тянутся по Сибирю. От сопок камчатских До линских болот, По стройкам и по цехам Сопьются минуты В мессах, В год, Приближат грядущее к нам.

ДВОЙНАЯ
ПОЛЬЗА

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

— Тома, не дури! — Голос Клавдии напряженно зазвенел. По опыту Тамара знала: дальше спорить бесполезно. Глаза ее сами собой замигали часто-часто, но она тут же упрямо отвернулась. Подумавши, если старшая сестра, так всю жизнь может командовать!

Клева угрожающе преаудирдала. — Вот только попробуй бросить школу! Как на фабрику пришла, так и назад, домой, живо отправлю.

Пустая узда. Тамара отлично понимает это. Теперь она в цехе, как дома. Празда, в перае дни в глазах рябило, в ухах стоял треск швейных машин. Невозможно было уследить, где именно из несладких кусков материала получается модный костюм.

Теперь все привычно. По утрам поток людей у проходной с вывеской «Сталинградский совнархоз. Швейная фабрика имени 8 Марта» уже не кажется пестрым и безликим. Знакомых десятков полно. Знакома и каждая ступенька на лестнице до третьего этажа, где находится ее цех.

Она шев-ручица. Всю смену Тамара старательно пришивает ватинную подкладку к детским пальто. Потом закон — и снова по знакомым ступенькам, теперь уже вниз. После смены надо топиться в школу. Все-таки восьмой класс...

Финанс школы рабочей молодежи № 5 тут же, в здании фабрики. Вместе с Тамарой здесь занимаются другие девчата из их цеха. А учиться трудно. Особенно доминает русский письменный. Ох, уж этот синтаксис с орфографией! Соседки Тамары по конвейеру Нина Нозинова и Рая Еруславанов не выдержали, бросили школу. Не думайте, что Тамара это было бездельно. Ругала их, и не раз. Те вначале отламывались, но однажды Нина сама пошла в наступление.

— Вот ты швейная вышиваешь. А шить-то умеешь? Только и знаешь ватин пришивать. Ну, кончишь восьмой класс — все пришиваешь, девятый, десятый — опять пришиваешь. Умись, умись, а польза когда еще будет! Нет, мы лучше на курсы кройки и шитья записемся.

— Ты на ноябрьский вечер что наденешь? — спросила Рая. — То, что цветочек! А-а, новое купушь! Незнаесто еще, как сидеть будет. А мы не в ноябрьским, так к Новому году уже сами шить будем. Я себе, знаешь, кашо сделаю! Как в том фильме: тут гладко, тут вот оборочим, а тут клееш.

Это звучало убедительно. Тамара

ре тоже хотелось плавать «тут гладко, тут вот оборочим, а тут клееш». А сколько ни учи грамматику или физику, такое не сошьешь.

После этого и состоялся у нее разговор на повышенных тонах со старшей сестрой.

Конечно, нелегко послушаться Клавдию, но Тамара все-таки, наверное, следовала бы за подругами, если бы не прошел слух в школе будут обучать шитью, вводится специальный предмет.

В КЛАСС ПРИХОДИТ ИНЖЕНЕР

Незадолго до обеденного перерыва начальника экспериментального цеха Овечкина позвали к телефону.

— Геннадий Константинович! — Это был голос директора фабрики. — Зайди, пожалуйста.

Когда Овечкин вошел в кабинет, там уже собрался начальник некоторых других цехов. Производственное совещание! Но тут и Татьяна Аполлоновна Филатова, директор вечерней школы. На фабрике ее все знают.

— Так вот, — говорила Татьяна Аполлоновна, — закон о политехнизации касается и школ рабочей молодежи. Это, так сказать, общее положение. Мы и на собственном опыте чувствуем: наших учениц не удовлетворяет «чистое» обучение образование. Они хотят одновременно повышать и свою профессиональную квалификацию. В прошлом году мы в двух старших классах включили в программу новый предмет — технологию швейного производства.

В вечерней школе № 16 молодые производственников наряду с аттестатом зрелости получают специальность элетротехники. Полученные здесь знания рабочие Сталинградского завода металлообработки изданий Валентина Миняйлова и Василий Шелестов с успехом применяют на практике.

Фото В. Шандрига.

Опыт себя оправдал. Теперь пора вводить профессиональное обучение во всех классах, с восьмого по десятый.

Филатова кончила.

— Опыт-то себя оправдал, — задумчиво сказал директор. — Те девчата теперь ишь гвардия. И стоило столько денег недаро. А в массовом порядке сколько же денег потребуется! Ведь теперь нужно несколько учителей. И программа ядовое больше. Нет, тут надо с Семёном Михайловичем посоветоваться.

Явился Семен Михайлович, главный бухгалтер фабрики. Как все бухгалтеры, Семен Михайлович с сомнением отнесился к начинаниям, связанным с финансовыми затратами. Особенно к тем, которые не дают прямого увеличения выпуска продукции. Но все-таки подкорректировал статью в фабричном бюджете была найдена: расходы на обучение рабочих техникуминимуму.

— Вот и пустим эти деньги на оплату учителей по новому предмету, — заключил директор. — Только кто ж будет преподавать технологию! Вот разве Геннадий Константиновича попросить! — Директор взглянул на оторопевшего Овечкина. — И еще одного-двух начальников цехов. Тут ведь нужны настоящие специалисты.

«НЕЛЬЗА ЛИ ОБРАТНО
ЗАПИСАТЬСЯ?»

Так в расписании уроков появлялась «технология швейного производства». На вводном занятии Тамара чуть не прискула, глядя, как Геннадий Константинович неловко листает классный журнал и одновременно что-то сбивчиво объясняет. Сразу видно: не настоящий учитель. Но скоро шум в классе утих.

— Заниматься мы с вами будем по два часа в неделю, — говорил Овечкин. — По каждому разделу сначала теория, а потом практика. Нам предстоит освоить основные машины швейных цехов. Затем — материальное. Научитесь разбираться в сортах тканей, их назначении. Потом — технология раскройки и пошива. К концу курса вы сможете кроить и шить некоторые изделия из ассортимента фабрики. Познакомлю

вас также с системой нормирования и оплаты труда на производстве.

На уроках Овечкина Тамара как бы возвращалась из мира «объектов», казавшихся ей отвлеченными, мутными — физика, история, грамматика — в мир реальных, знакомых вещей. Тут все выглядело проще. Только потом она поняла, что быстро разобратся в принципах действия швейной машины ей помогает знание законов механики. История пригодились в материаловедении. Тяжело, оказывается, имели свою давнюю родословную. Только тогда грамматика досаждала по-прежнему. Ее, видно, ничем не возьмешь, кроме терпения.

На практические занятия отправлялись в цехи. Тамара вспоминала, как ходила она здесь, держась за руку старшей сестры, и старалась угадать, в каком месте конвейера рождается готовый костюм. За полтора года работы фабрика стала привычной, и вместе с тем оставалась почти неизомой. Теперь же сложное хозяйство предприятия становилось близким, понятным; и поток деталей будущего изделия от операции к операции и работа машин...

Бригада, в которой трудится Тамара, дружная, слаженная. «Работаем как часы», — говорят девочки. Это правда. Но однажды «часы» застопорились. Велосикон: заболела Надея Петрова, та самая, что пристраивает на спецмашине ватин к детским пальто. Бригадир взволнованно бегала вдоль конвейера, а Тамара и Девчата, что же делать будем! Никого посадить за машину! — Ну и пусть постоит, пока Надея не поправится, — беззаботно отозвалась Нина. Бригадир — рассердилась бригадир — Конвейер ведь встанет, план сорвется. Да и твой заработок снизится: мы же на девчачьи...

И тут Тамара решилась: — Девчаты! Попробуйте! — Да ты ж к ней никогда не садилась, — недоверчиво сказала бригадир.

— Мы в школе изучали. С Геннадием Константиновичем... — Пробовали? Тамара на машине, пока не вернулась ее хозяйка. Не хуже любой мотористки с нормой справлялась.

— Ну, малышница ты! — не скрывая злорадства, сказала Нина. — Нуеули пруды, в школе научили!

Подружки теперь с большим интересом слушали ее рассказы об уроках инженера Овечкина. Как-то поначалу подругам очередное домашнее задание, Тамара спросила:

— Девчата, не помните, как там, в том пальто, ну, что к кино выдвали, клещ «Солнечный»?

— Да я, пожалуй, попробую себе к Нозому году шить. Скрыть мне в школе помогут.

— Нелзя ли обратно записаться? — Их приняли.

Теперь подружки вместе торопятся после смены на уроки. И хоть не легче стала математика, история, а особенно русский письменный, учеба движется веселее. Они вместе со средним

образованьем получают в школе и хорошую профессию.

«ЭТО ЗДОРОВО» — ГОВОРИТ РАБОЧНИЦА

Вот и весь рассказ о трех молодых швейках и одном инженере, ставшем по совпадению учителем. Нет здесь острого столкновения, необычных характеров.

Но все-таки об этих событиях стоило написать. Почему? Потому что примерно то же самое происходит сейчас на многих предприятиях Сталинграда. В этом городе двадцать пять школ рабочей молодежи. В семнадцатидесяти из них учащиеся уже получают вместе с общеобразовательными знаниями основы какой-либо профессии. В остальных профессионально-техническое обучение вводится в ближайшее время.

Здесь еще нет ни специальных программ, ни методических разработок. Однако призыв VI Пленума ЦК ВЛКСМ «Молодежь, выходя в поход за знания!» так вдохновил Сталинградку, что она не стала ждать, пока органы народного образования выработают формы и методы политехнического обучения в вечерних школах.

Сам же вызов материала их на интересные решения этой проблемы. В тех школах, где большинство учащихся с одного предприятия (как это было в финале школьного конкурса имени 8 Марта), в программу старых классов включаются специальные предметы. Их задача — повысить квалификацию молодых производственников. На заводе «Красный Октябрь» поступили инженеры. Здесь действовала школа инженерно-технических знаний. Она готовила мастеров производственных процессов. И тут же проводила школу рабочей молодежи № 17. Ее учителя предложили расширить программу для будущих мастеров, включив общеобразовательные предметы.

А как быт там, где собрались учащиеся с разных предприятий? Например, в школе № 16 занимаются молодые рабочие с завода железобетонных изделий. Их завод — комбинат, трубопроводного завода, со строек. Директор школы Николай Кононович Зыков и руководители предприятия решили: производствотехническое, разное, по профессиям, работу выполняет электричество, значит, электротехника нужна всем.

Еще в середине прошлого учебного года в школе начались факультативные занятия по этой специальности. Их вел молодой инженер с завода железобетонных изделий Андрей Лысенко. Весной двадцать четыре дали звание «звезда электротехники» четвертого разряда.

Хорошо сказал о новостях в своей школе машинист бетоноукладчика Василий Шелестов:

— Это здорово, что раньше не началось занятия по электротехнике. У нас на агрегате к чему ни притронусь, все приводится в действие электричеством. Обязательно на курсы надо послать ребят, разрозненно ведь между ними и школой! Хочется и аттестат получить, чтоб дальше расти. А теперь порядок: и в науках и в своем деле вперед двигаюсь. Выходит, двойная польза от школы!

ПРОТЕСТ ХУДОЖНИКА

Широкоплечий, приземистый, с пронизательными живыми глазами — таков Вильсон Тиберию. Бразильский художник. Когда руки устают держат кисть и палитру, а глаза всматриваются в очертания будущей картины, он покидает маленькую студию в окрестностях старого французского города. И тогда Вильсон особенно остро чувствует, как далеко от него Бразилия. Там, за океаном, в Риу-Гранди-ду-Сул, он родился. По ту сторону Атлантики осталось его детство, прошедшее в бедной негритянской семье. И хотя во Франции и Италии ежегодно устраиваются выставки его картин, художник не обременен буржуазно-буржуазными вкусами и тенденциями искусства. Одновременно стал изучать историю, этнографию и антропологию народов Латинской Америки.

Война в 1942 году двадцатидвухлетнего Тиберию оканчивает институт, его картины в выставочном салоне не отмечаются почетным дипломом. Некоторое время молодой живописец работает в мастерской польского художника Юзефа Конского, затем самостоятельно. Темы его картин и рисунков приобретают большую социальную заостренность, растет мастерство. Ненависть к фашизму и народу приводит Тиберию в 1945 году в Бразилию. В том же году он организует свою первую большую выставку в Рио-де-Жанейро; в том же году он организует третью. Темы этих выставок — жизнь негров в Бразилии. Газета «Глобо» писала: «Тиберию изображает сцены из повседневной жизни в трущобах Рио-де-Жанейро, и в сюжете он передает выразительностью, какой еще никто до него не достигал... Картины, изображающие ритуалы негритянского народа, говорят о том, что художник является наследником искусства африканских племен».

Незавидный талант Тиберию обнаружил на себя внимание французского посольства в Рио-де-Жанейро, и вскоре он получил приглашение приехать во Францию учиться в Парижской школе живописи. Здесь Тиберию сблизился с художниками Пикассо, Деллюсти, Матиссо, Борсоном и другими. Занимаясь живописью, он продолжает углубленно изучать этнографию и антропологию в парижском Музее Человека. В 1948 году, по окончании занятий в Парижской школе

живописи, Тиберию едет в Черную Африку, он посещает Сенегал, Судан, Нигерию, Дагомею, путешествуя, чаще всего пешком или в пирботе. Особенно интересуют его Дагомея. С волнением узнает он в ритуалах и танцах негров этой страны звуки и картины, знакомые ему с детства. Тиберию мучаеет себя частями этого народа, переживая вместе с ним ужасы колониальной гнетности. Он знакомится с прогрессивными деятелями африканских народов, борющимися против угнетателей. Местные французские власти уже давно заметили этого беспоясочного художника. Их не устраивает его пребывание в Африке, где им хотелось бы сохранить колониальные порядки. По приказу французского правительства Тиберию высылают из Африки.

Вернувшись в Париж, художник начинает работу над серией картин. В 1952 году он организует выставку на африканские темы в Ницце. Это отчет художника о поездке.

В Ницце художник полнит картины бытовые сцены, обычаи и танцы африканских негров: деушки, приготавливающая тесто из маниоки; женщины, растягивающие проросшие маисовые стебли; голодный базар с его пестротой национальных костюмов; обряд «повошения» при свете луны. Тут были картины и иного содержания: «Женщины нищие в лохмотьях; колп, где женщины или трудятся под коновом вооруженных парабателеев; и, наконец, повешенные негры, виновные в том, что отказались стать рабами; и, наконец, повешенный художник присягнув к человеку, к его чувствам. Жизнь африканских негров изображается как мир, полный страданий и лишений».

Творчество Тиберию основано на исключительном знании народного искусства. Строгие и однообразные линии, тусклые тона в картине «Плавальщики» передают атмосферу безделья, тоски и тоски. Вот огромное панно «Женщины у источника» — непрерывный ритмический ряд фигур, почти плоскостных, сочетающих глубину и жестких тонов. Тиберию теребит и большие композиционными построениями и декоративности.

Художник живет во Франции. В нынешнем году исполнится его двадцатипятилетие; он поедет в Бразилию, чтобы познакомиться с перд своим народом и партией в том, что создал за последние годы. У Тиберию есть и другие задумки: посетить Бразилию в Советский Союз, который он так полюбил за время пребывания на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов и где у него много хороших друзей.

Р. ГОРХОВА

Вильсон Тиберно.

Труд.
Отдых.

Артистка балета Государственного Академического Большого театра Союза ССР Вера Бочарова хорошо известна москвичам. Индийские танцы в ее исполнении пользуются особым успехом.

В 1957 году по приглашению Индийского правительства молодая артистка обучалась шесть месяцев индийскому классическому танцу в г. Мадрасе.

На снимке: Вера Бочарова исполняет индийский танец.

Фото М. Муразова.

Без скидок на молодость

Издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник прозаических произведений студентов и недавних выпускников Литературного института имени А. М. Горького. В небольшой книжке представлено пятнадцать авторов. Молодые писатели повествуют о лично увиденном и пережитом. Многие из них — А. Емельянова, А. Гоявцова, А. Савицкий, Л. Шинко и другие — волнует тема становления характера, воспитания молодого человека. Каждый стремится найти свой поворот темы, по-своему рассказать о думам и делах наших современников.

Так, А. Емельянова, долгое время работавшей на Севере, с впечатляющей задумчивостью пишет о смелых и искренних людях Советского Заполярья. Герои его рассказов — обыкновенные советские люди, работающие в суровых условиях Арктики; — обладают замечательными качествами, и писатель старается показать благородство их души, стойкость характера, мужество, героизм, беззаветную любовь к Родине. Образы бурьлящих Степана Ракина, медсестры Лизы, несомненно, привлекут симпатии читателя. Истинная ценность человека измеряется его делами — утверждение этой простой, но полной большого значения мысли составляет пафос рассказов Емельянова.

В центре повести А. Савицкого «Реват Падун» — посвященной строителям Восточной ГЭС, стоит Петр Коваль — человек запуганной и трудной судьбы. Тяжелые семейные условия, годы тюремного заключения озлобили его, сделали замкнутым, интеллигентным. А Савицкий старается показать героя «книжной», со всеми его думами и стремлениями, колебаниями и ошибками. Интересно прослеживается зарождение первого большого чувства в сердце Петра. Автор детально рисует, как под влиянием любимой девушки, под влиянием всего дружного коллектива строителей Петра постепенно преобразовывает, выходит на правильную дорогу.

Находит свое место в жизни, вернее сказать, свой путь обгоняет, и герой рассказа А. Гоявцова «Красный огонек». Писатель не избегает острых углов, а смело и откровенно говорит о трудности, встречающейся на пути молодого человека, вступающего в жизнь. Остро ставится проблема преодоления собственной робости в общении с людьми, в общении с товарищами, в общении с друзьями, напряженно и драматически решается в авторском конфликте между уже личными интересами и

общественными. Автор не наказывает зло, он лишь развенчивает его. Но от этого только выигрывает эмоциональная сторона рассказа.

В лучших произведениях сборника радует стремление молодых писателей раскрыть сложный внутренний мир нашего современника, показать а малом значительное, выйти на передний край жизни.

Но, к сожалению, осуществиться это еще не всегда удается авторам «Доброго почина». Порою они увлекаются изображением второстепенных подробностей, упускают сложный процесс становления личности. Вот рассказ А. Леднева «Стенной ветер». Все как будто в нем правильно. Герой — принципиальный человек. Он рывками с любимой девушкой, когда она отказывается ехать вместе с ним работать в деревню. Но случается так, что героиню назначают руководителем Бригады горняков, отправляющихся на работу в колхоз. Там-то девушку и овеивает стеной ветер, она прозревает и приходит к любимому. В результате все легко и схематично. А где в произведениях различных взглядов? Их нет!

Еще большое возражение вызывает рассказ Г. Крамникова «Начало года». Медсестра Глаша дежурит в больнице в новогоднюю ночь и размышляет о своей работе, о том, что молодость прошла, а она одинока. В рассказе есть верные бытовые и психологические зарисовки, но в общем он разочаровывает читателя, ему непонятно, с чем же борется писатель и что защищает. Автор как бы стал в позу наблюдателя — вот вам картина жизни, понимаю ее, как хотите. Этот же недостаток свойственен и молодым прозаикам Л. Шинко и А. Стрыгну. Это самое «попайте», как хотите» приводит бесспорно одаренного Н. Дробина к серьезным и довольно симпатичным рассказам. В рассказе «На теплоходе» он рисует запоминающийся образ старшего помощника капитана

Маслова — превосходного моряка, любимого воспитателя молодых матросов. И вдруг в конце новеллы обнаруживается, что Маслов скрывал в прошлом подлый поступок: бросил на произвол судьбы жену с ребенком. И «на имя человека», — пишет автор, — как мне казалось, неплохого, легла вдруг неприятно отчуждающая его от людей тень, с которой в мыслях моих оживали грустные образы Витки и его матери».

Оставим на совести Дробина вынужденную безграмотность этой фразы. Дело в том, что каждое «вдруг» в литературе должно быть и неожиданным и одновременно художественно мотивированным. Всем своим рассказом автор убеждает нас, что Маслов — честный, душевный человек. Так какими же черты характера героя привели его к предоступу? Почему он оказался человеком с червоточкой? Это остается необъясненным. Образ главного героя получился психологически неубедительным, искусственно приземленным. Н. Дробин чувствовал себя вполне уверенно, пока описывал быт, нравы, а как только попытался осложнить действие, затронуть большие проблемы, произошла осечка.

Незаскучительный застеню отбор жизненных наблюдений и впечатлений нередко мешает молодым литераторам создать такие произведения о нашем современном, которые бы волновали его читателей и подвигали, к стати сказать, вытекать и те языковые небрежности, которыми засорены страницы сборника. Видимо, полу-

чается так: поправилось автору слово или выражение, он без особых раздумий топчет их в произведении. Вот как старательно описывает своего отрицательного героя А. Стрыгун («Получинки»): «курчавый молодой человек в роговых очках», у него «энергичное подвижное лицо, которое поблескивающие стаяла оком придавало особую внушительность и солидность». Трудно назвать такие определения находками.

А вот как уж совсем небрежно пишет Шинко: «В серой заплатке, она хота и опрятная, чистая, но незаметная, невидимая. Имя: «ресницы, словно два маленьких веера, оттопчет во глаза» (А. Леднев). В рассказе В. Воробьева на лице героя читается и ширится улыбка радостной благодарности за внимание людей к его труду».

Мы предвзятой большой счет к молодым авторам, не делаем им никаких скидок на то, что все они еще начинающие писатели, что такой сборник впервые издается за все время существования Литинститута. Но было бы неправильно думать, что «осечки» и «промахи» определяют лицо сборника, для ряда произведений которого характерна верность жизненной правде, меткость образов.

Пусть stanno доброй традицией наших издательств публикация таких сборников молодых писателей. Тот факт, что тираж книжки «Сборник» для ряда произведений которого, лишний раз говорит в пользу «Доброго почина».

Е. ГРОМОВ

Удача? Да, удача

Герман Фаюров

ОКА-СИБИРЬКА

Для чего нужны стихи? Разве не прозе рассказать то же самое прозой, и рассказать полнее, конкретнее, детальнее, ярче? Такой вопрос порой задают люди, даже искренне любящие литературу и, как им кажется, понимающие ее. Вероятно, не последней причиной такого отношения и поэзия являются все еще нередко сборники стихов, авторы которых предлагают читателю лишь добросовестно зарифмованные сообщения о чем-либо или же, в лучшем случае, мысли на этот счет, тщательно оформленные в стихотворный размер, но лишённые художественной выразительности. Да, такие стихи, действительно, если и отличаются от прозы, то прежде всего бедностью содержания.

Но вот вы открываете книжку и читаете: Придувал осной собольена. Над зверьком наклонился. — Как же досада! А за не вы сбросался вся бригада! — Вот досада!

— Как же досада!

А у девушки брови собольи... Писатель шепчет с собой: «Понадеяла, выдать, собольена... Вот девчонка! Какая девчонка!» — Придувал осной собольена.

И все. Больше ничего не рассказано. А сколько сказано! За этим десятком строчек — человеческие образы, отношения, целая гамма

чувств. Вот в этом-то и заключается обаяние поэзии, которая, как и музыка, обращается прежде всего к чувствам человека. Умение передать много, немногим, точно выбранными словами и отличает настоящего поэта.

Такое умение есть в лучших стихах первой книги Германа Фаюрова «Ока-Сибирька», выпущенной издательством «Советский писатель». Этот небольшой сборник сразу же подкупает живописной красочностью языка, мягкой и сдержанной авторской интонацией.

Автор книги — человек с зорким поэтическим зрением, влюбленный в просторы родной земли, в ее бесконечные дороги, таежные и горные тропы, в суровую и чудесную сибирскую природу, в главные, в людей — товарищей и спутников.

Прясу на части не дела, глядит в глаза нам земля, в зорком взор мой раскинул Лучами трав, огнями газа.

И там, где пост действительно стонт лицом и лицу с жизнью, он добивается успеха.

«Костер геологов» — так называется первый и наиболее удачный, на наш взгляд, раздел книги. Сколько строк было написано о людях этой романтичной и мужественной профессии, об их трудных дорогах! Но стихи Флорова — это не повторение уже известных «общих мест» и деклараций; автор останавливает свое внимание на вещах отнюдь не «эзекельных», говорит порой как бы вполголоса, но говорит интересно и убедительно. В этих стихах особенно отчетливо проливается тонкое чувство природы у Флорова. Зори, возмеченные «скромной песней куличиковой», шмистые верховья рек, волчий шорох кедровый, Беспокойная тайга, но знающая еще, что маленькая записная книжка геолога, где «комары распыты на листах», «ее перевернет, как динамит», — все это потрясающему величию и ощущаешь, как в лучшем стихах первого раздела книги примаются по своей живописности и емкости слова такие стихотворения, как «Зариныцы», «Снежная», «Сарана», «Сосны в районе Братска», «Ока-сибирячка».

По-разному звучат стихи Флорова: в них и спокойное раздумье, и тревога опасного поиска, и скула, мужественная улыбка. Автору вершишь, следуешь за ним, и там, где он лишь осторожно кажется глубоким и сложным, понимаешь это недосказанное — как, например, в стихотворении «Женщина», одном из самых хороших в книге.

Но далеко не все равноценно в сборнике «Ока-сибирячка». Иногда автор ограничивается внешней стороной изображаемого, в стихах

исчезает подлинная мысль и появляются фальшивые нотки, которых не могут компенсировать никакие поэтические удачи («Таежница»). Типичной стихотворной отпиской являются «Верхолазья»; здесь все, «как положено»: и «гром «ААЗова», и «здоровенные подарушки», и «алмазной твердости сардэца», и... ничего нового для читателя.

Обыняком стоят две вещи: «Сегодня весна» и «Зимняя любовь». В них то там, то здесь вдруг так востанно выступают интонации и приемы Маяковского, что это, как ни говори, граничит с прямым подражанием, несамостоятельностью. А ведь весь сборник говорит о том, что у Флорова есть свое собственное, определенное поэтическое лицо!

Зарывавшись книгу с благодарным и светлым чувством. Пожалуй, хочется лишь пожелать автору большей активности, может быть, даже резкости, более «личного» раскрытия тем в отличие от слишком частой в книге спокойной созерцательности.

«Ока-сибирячка» — хороший и интересный сборник. Удача Германа Флорова объясняется не только талантом, но и богатым жизненным опытом. Недаром книгу завершают такие строки:

Мне хочется сказать спасибо
Бурьянцам и лесорубам,
Всем, у кого я научился
Владеть искусно топором и ломом...

Мне хочется сказать спасибо
Презвучному обществу
За то, что степи его пахнут
Таежной пещерной весной.
За то, что проинвают в нем,
просторном,
Красные, большие люди.
Они согрели эту землю целиной,
Нодозимой, солнечной любовью,
И зацветет тыловая земля.
Как ни одна земля не зацветала.

Д. НАГАЕВ

После выступления
«Смены»

КРИТИКА ПРИЗНАНА ПРАВИЛЬНОЙ

На Климовском машиностроительном заводе плохо исполняли молодые специалисты, их очень нелюбимо выдвигали на самостоятельную работу, и как доверяли ответственные участки. Молодые техники, инженеры годами числились в стажерах, а «исполняющих обязанности». Об этом рассказывалось в статье «Исполняющие обязанности» и обязанности исполнять, напечатанной в «Смене» № 22 за 1959 год. Статья обсуждалась в Московском областном совете народного хозяйства. Критика журнала признана правильной.

Как сообщил в редакцию член Совета тов. Калачев, совхоз принял меры к укреплению молодыми кадрами ряда участков на Климовском заводе. В декабре прошлого года на заводе состоялось общеобластное собрание молодых специалистов. Вопрос о работе с молодыми инженерами и техниками впадал под свой контроль партийная организация завода.

Сейчас все молодые инженеры, кроме окончивших институты в 1959 году, используются на инженерно-технических должностях.

ЦЕХ

НЕУТОМИМЫХ

ИСКАТЕЛЕЙ

— Это еще что за ЛАМ! — пожимая плечами дежурный в проходной Челябинского трубопрокатного завода, задерживая в руках пропуск.

— Лаборатория автоматизации и механизации, — объяснял владелец пропуска. — Недавно организована.

Дежурный собрал на лбу строгие морщины, качал головой, а потом споматывался:

— Верно! Есть такая лаборатория. Проходите...

И не только в проходной случалось так. Многие на заводе недоверчиво переспрашивали: «Какая еще там лаборатория? Когда инженер Варанин сказал своему начальнику цеха о желании перейти в ЛАМ, тот развел руками.

— Да ты что, Иван Дмитриевич! Несерьезное дело! Развалился эта лаборатория...

Однако были у ЛАМа и сторонники, которые потом постепенно перешли из разных цехов работать в лабораторию автоматизации и механизации. Это были и опытные, с большим стажем инженеры, и молодежь.

Вскоре завод получил для ЛАМа хорошие заказы. Лаборатория приняла первые заказы цехов на механизацию и автоматизацию отдельных процессов производства.

Работники ЛАМа стали появляться во всех цехах. Они привлекались к организации труда, проводили эксперименты. Пришло время, когда молодой коллектив лаборатории, выросший до 106 человек, рапортовал заводу: выполнена 81 работа с экономическим эффектом более 2 миллионов рублей, значительно облегчен труд 300 рабочих.

Вот тут-то окончательно прекратились все недоверчивые реплики по адресу «клавовцев». Даже дежурный у проходной смотрел теперь на работников ЛАМа с уважением. А вскоре на базе лаборатории был организован цех механизации и автоматизации — ЦМА, в котором стало трудиться 50 конструкторов и 200 рабочих, в большинстве молодежи. Начальником цеха назначили молодого коммуниста Вила Александровича Лапина, зарекомендовавшего себя хорошим организатором.

А умелые руки этих парней и девушек — фрезеровщика Виктора Чернова, токаря Людмилы Емельяновой, электромонтажника Леонида Калинин, слесари-монтажника Виктора Дворецкого, — которые вы видите на снимках, превращают в действующие механизмы и автоматы все то, что разработано конструкторами.

Фото Е. ТРАЧЕНКО.

в конструкторском бюро, где работают молодые специалисты Мария Соколинская и Георгий Козлятов, начинаются смелые поиски, разрабатываются новые механизмы и автоматы...

Рабочий день Вила Александровича начинается с обхода тех цехов, где ЦМА ведет работу. Вот, например, второй трубопрокатный цех. Секретарь комсомольской организации ЦМА Василий Кошцева и комсомолец Олег Давыдов разработали проект механизации сортировки трубной заготовки. Василий выполнил разработку механической части проекта, Олег — электрической. Благодаря моществу скорость работы прессы увеличилась на 25 процентов.

Добрым словом поминуют конструкторов ЦМА рабочие участка нарезки труб. Раньше здесь рабочий нарезал резьбу на очередной трубе и брался за следующую. С противоположной стороны роллганга, у станка, стоял еще один рабочий и продвигал ту же операцию на другом конце трубы. Конструкторы спроти-

ровали автоматическое устройство. Оно было смонтировано и введено в действие. Теперь один человек, нажимая на пульт соответствующих кнопок, управляет двумя станками, за всю смену не прикасаясь к трубам.

И так почти в каждом цехе. Заглянув в конструкторский отдел ЦМА, Светлая комната в три ряда уставлена чертежными столами. В углу за письменным столом — начальник конструкторского отдела Иван Дмитриевич Варанин. Здесь работают проектировщики.

Константин Судакوف заканчивает проект электростатического сепаратора флюса, комсомолец Петр Онин конструирует механическую рукояку для смены оправки. Виктор Михайлович Орехов с помощью комсомолки Людмилы Логвиновой разработывает проект гидравлического прессы для сплющивания труб.

Заканчивается рабочий день. Смолкает в мастерской гул станков, гудит проектный отдел. Молодежь идет домой. Но после работы не только отдых: ведь чтобы строить, создавать, надо

много знать человеку, надо ни на шаг не отставать от жизни. И те, кто имеет среднее образование, продолжают учиться в вечерних вузах? В политехнический институт поступил, окончив вечернюю школу, комсомолец Явеза Корнев и Юрий Глушков. Старший монтер навадки Паша Тепленький — студент Московского энергетического института, электрик Коля Ершов поступил после десятилетия на третий курс горнометаллургического техникума. Даже начальник цеха механизации и автоматизации Вил Александрович Лапин — студент политехнического института. Правда, он уже дипломирован...

Так живет новый, созданный в ответ на решения XXI съезда КПСС цех механизации и автоматизации Челябинского трубопрокатного завода. Сейчас перед коллективом новаторов стоят еще более серьезные задачи. Они будут решать вопрос комплексной механизации и автоматизации производства.

Пожелаем же успеха дружно-му коллективу.

Эл. БАДЬЕВА

«Я РОДИЛСЯ В СОЛНЕЧНОЙ СТРАНЕ»

В Центральном Доме литераторов молодые поэты читали свои новые стихи. Когда на трибуну поднялся смуглый юноша с черными, как смоль, курчавыми волосами и прозвучали первые строки его стихотворения:

Не в Америке завокаешь,
Не в кварталах Гарлема я рос,
У меня на коже негритянской
Острый бич не оставал полосу...

в зале воцарилась напряженная тишина.

Это был Джим Паттерсон, тот самый Джим Паттерсон, который двадцать с лишним лет назад исполнил роль негритянского мальчика в кинофильме «Цирк».

Отцу Джимы — театральному декоратору Ллойд Паттерсону — долго не удавалось найти работу у себя на родине, в Соединенных Штатах Америки. Талантливый

художник уже потерял надежду получить ее, но его выручил друг детства Пол Робсон. Он принес Ллойд газетную вырезку, в которой сообщалось, что в СССР приглашаются негритянская молодежь для участия в советских фильмах. Так художник Ллойд Паттерсон в 1932 году оказался в Москве.

Спустя некоторое время он здесь познакомился с театральной художницей Верой Ипполитовной Араолой. Молодые люди полюбились. А когда через три года начал сниматься «Цирк», самым маленьким героем фильма стал их сын Джим.

На днях мы встретились с Джимом. Ему 26 лет, зовут его теперь полным именем — Джеймс.

— Меня с детства привлекало море, — говорит юноша, — очень хотелось стать моряком. Я поступил в Рязское лавинное училище, которое в 1951 году окончил.

Спустя несколько лет Джеймс Паттерсон получил звание лейтенанта. Он плавал на подводных лодках и эсминцах, на учебных парусных шхунах и тральщиках. Молодой офицер побывал на Балтике, Черном и Баренцовом морях, ходил вокруг Скандинавии.

Каждую свободную минуту Джеймс посвящал поэзии. Во время учебных плаваний он написал стихи: «Море», «Поглобим севастопольца», «У нас на подводке, «К друзьям», «Полу Робсону», «Школьник».

Сейчас Джеймс Паттерсон — студент Литературного института имени А. М. Горького. С гордостью рассказал он мне о том, что его приняли на днях в члены КПСС. Как и любой советский человек, он чувствует себя в дружной многонациональной семье на родине своей страны свободным и счастливым человеком.

Впрочем, об этом хорошо сказала Маргарита Глазко, бабушка Джеймса:

— Главное, что меня поразило и обрадовало, — это сознание собственного достоинства, написанное на лице моего внука. Оно чувствуется в каждом его движении. Советская страна действительно делает чудеса: в ней люди находят себя.

На прошленик Джеймс Паттерсон подарил мне на память одно из своих стихотворений. Уверен, что его с интересом прочтут читатели «Смены».

А. СИНЕЛЬНИКОВ

ПО СОСЕДСТВУ С МГУ...

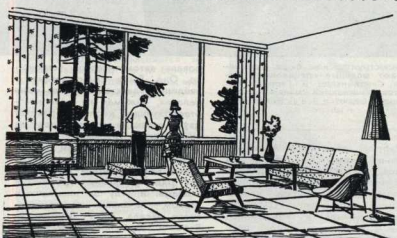
ДЕСЯТЬ минут ходьбы до университетов на Ленинских горах — и города неожиданно кончается. За многоэтажными корпусами и прямыми, широкими улицами лежат огроми засаженный пустырь. Но когда несколько месяцев назад сюда пришли архитекторы, им представился на его месте сияющий городской квартал. Из зеленых зарослей поднимались светлые здания, асфальтированные дорожки вели к искусственному озеру и травяному козру футбольного поля...

Здесь вырастет городок студентов МГУ. Его проектировали в третьей архитектурной мастерской Моспроекта.

Чем интересен будущий городок? — перебрисова архитектор группы архитектор А. Б. Скаржинская. — Прежде всего того, что его жители будут только молодые, веселые, жизнелюбивые. Об этом мы не забывали, проектируя дома, где они будут жить, улицы и парки, где они будут отдыхать, читать стихи, спорить, объясняться в любви...

Каким же он будет, этот молодежный городок? Общественные расположены в пятиэтажных корпусах, в каждом по пятсот студентов. Здания решено оригинально и красиво облицевать — необычными светлыми керамическим кирпичом. Окна двухметровой ширины будут отделять одно от другого только узким простенком из цветного силиката.

Рядом с общежитиями и в первых их этажах столовые, пра-

Такие комнаты отдыха будут устроены на нарядном этаже общежития.

чечные, почта, аптека, магазины — словом, весь комплекс бытовых учреждений современного города. А чуть поодаль расположатся стадион, открытый плавательный бассейн, теннисные корты, площадки для волейболистов и баскетболистов.

В мастерской разработан и проект жилой комнаты на четырех студентов. Паркетный пол, большие окна без перелетов, встраиваемые шкафы. «Мебель у ребят будет самая современная: легкая, простая и дешевая. Лучше, чем в старом общежитии», — говорят архитекторы. «Старыми они называют Дом студентов в высотном здании МГУ».

Пожалуй, самым интересным делом в мастерской была занята архитектор Светлана Томилина. На чертёжных листах она инвентаризировала рожи, кустарник, цветы и травы. И городок оживал на глазах: шумел липами и кленами, расцветал сиренью, шиповником, калиной. В работе Томилиной также было много нового. Начать

хоть бы с того, что корпуса общежитий будут стоять как бы прямо на траве, на зеленом поле без асфальта и каменных страд. Вместо газонов, аллей, стриженных газонов, высаженных по линейке кустов — свободно разбросанные по полю рожицы, небольшие группы фруктовых деревьев, перемешивающиеся с лужайками и цветниками. И вместе с этим широкие и удобные подъезды, хорошо продуманное расположение всех строений. Может быть, именно так будет выглядеть город будущего...

И первым жить в таком городе предоставлена честь молодежи — студентам МГУ, крупнейшего советского вуза.

Проекты третьей мастерской одобрены и строителями и представителями университета. Сейчас уже возводятся два первых корпуса.

В недалеком будущем в новом молодежном городке зазвенят голоса новоселов.

А. ШАКИН

Не в Америке завокаешь,
Не в кварталах Гарлема я рос,
У меня на коже негритянской
Острый бич не оставал полосу.

От семьи оторванный обманом,
В трюме привезен издалека,
Прадед мой на рынке Орлеана,
Точно скот, был продан с молотка.

По путям Нью-Джерси неустанно
Долго-долго из конца в конец,
Ощущая запах ну-лиус-икана,
Безработным мой бродил отец.

Не в Америке завокаешь,
Не в кварталах Гарлема я рос,
У меня на коже негритянской
Острый бич не оставал полосу.

Я родился не во мгле неясной,
Я родился в солнечной стране,
Солнце ослепительно счастья
С детства лет всегда светило мне.

От граней Балтийских до Урала,
Даже в стуже северных морей —
Мне повсюду душу согревала
Теплота отзачных людей.

Я счастлив предков темноклоном.
Потому что вырос в новый век,
На земле, что мне всего дороже...

Я простой, что мне всего дороже...
Светский человек.

Джеймс ПАТТЕРСОН

Васко ПРАТОЛИНИ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Эта была особенная зима — зима нашей любви. Мы с Кларой работали на одной швейной фабрике. Мы были совсем молодцы.

Клара жила на окраине города в бараче, на берегу реки. Рассказывая о своем доме, она нередко говорила: «У нас на окнах цветные занавески» или: «Знаешь, отец купил шесть красивых тюльпанов» — словно хотела оправдаться, что живет в бараче на берегу грязной речки. Клара не была красивой, но я любил смотреть, как она уверенно шагает по улице. Мне нравилось, что она уже носит туфли на высоких каблуках. Было приятно, что и в баре, куда мы обычно заходили, и на фабричном дворе Клару без тени сомнения называли синьориной, как взрослому. Я часто повторял себе: «Моя подружка не красавица». Но каждый раз, когда еще издали я замечал, что торпировало Клару идя прямо по дамбе, мною овладевало чувство нежности. — Не сподобай! — спрашивала она.

Вечером мы возвращались до-мой пешком и весело смеялись над тем, кто упрямо полз на своих велосипедах по обледеневшей улице. Мы останавливались у фонтана, чтобы еще раз посмотреть друг друга в глаза, прежде чем расстаться.

Встречи у ворот стекольного завода, лаксового «доброе утро» и «добрый вечер», которыми приветствовали нас проходившие мимо рабочие, долгие часы, проведенные вместе под защитой заводских стен, робкие поцелуи и слова, полные стыдливой нежности — это и была наша любовь.

Но, когда поздно вечером я садился в трамвай и возвращался в город, моя подруга постепенно как бы отдалялась от меня. Оставались только воспоминания и неприятное чувство вины, точно я старательно и долго притворялся перед нею. Город со своими широкими улицами в огнях, трамваи и машины притягивали меня. Я останавливался у витрины и прикасаясь непокорные волосы. Любился своими шерстными пер-

чатками, короткими, небрежно распахнутым пальто с кроличьим воротником, комбинезоном, который делал меня чище и старше, — настоящих ра' сини. Афиш кино, большие, ярко освещенные рестораны, газетные киоски — все останавливало мое внимание на улицах, мокрых от растаивающего снега. Меня переполняло чувство радости и жажды веселья. Теперь, думая о Кларе, идущей по заснеженной окраине, я уже не испыты-

тывал угрызений совести, а лишь жалел, что для нее недостаточны открывшиеся передо мной радужные горизонты.

Но утром, едва только я замечал ее вдалеке, на дамбе, мною овладевало все то же чувство нежности, словно я потерял и вновь нашел что-то очень близкое и родное.

Перевел с итальянского Л. ВЕРШИНИН.

Джино МОНТЕСАНТО

ПРОГУЛКА В МАШИНЕ

Когда Дино позвонил мне, я не узнал его голоса. Мы не виделись несколько лет, и я никак не ожидал, что он может внезапно приехать в Рим из своей Романии. Прислушиваясь к его чистому, с легким придыханием голосу, я постепенно вспоминал старых друзей, встречи со школьными товарищами, которых, казалось, успел окончательно забыть. Я спросил Дино о жене, детях. Было очень приятно, что я вспомнил их имена. Дино, как и мне, уже перешло за тридцать, но сейчас по телефону он говорил с юношеской горячностью, которая подкупала меня. Познакомился я с ним лет асси-семидеять назад. Дино учился тогда в духовной семинарии. Его черное одеяние и слишком сердечное улыбку пришлось мне не по душе. Кто-то сказал ему, что я заканчиваю лицей, и он, надолго забыв, решил познакомиться со мной: уйти из семинарии и поступить в какую-нибудь технику-скую школу? Дино стал часто заходить ко мне и, наконец, даже замечал моего непринятное отношение. Но с каждой новой встречей моя неприязнь все больше слабела, пока однажды не исчезла совсем. В тот вечер он после долгого молчания, опу-

сти глаза, негромко сказал через стол:

— Мне так не хватает друзей! В городе Дино чувствовал себя одиноким, в обществе добродушных буржуа испытывал смущение, а с одноклассниками семинаристами никак не мог сойтись ближе.

В юности Дино хотел стать священником, но, когда понял, что не сдержит церковных обетов, решил немедленно и любой ценой уйти из семинарии. И теперь он никак не мог примыкнуть к своему новому положению.

В селенье он тоже не видел счастья. Его отец, одавене, женился вторично, и захватил то и дело повторял Дино, что ему лучше всего было бы остаться в семинарии. Каждый раз Дино с болью в душе вспоминал о родном селении и домике, где умерла его мать.

Я почувствовал себя свершим, полным предрассудков эгоистом, и постепенно во мне пробудились симпатии к новому товарищу. Я познакомился Дино с друзьями, взял его под свое покровительство. Помнится, а даже учил его, как надо держаться с тем или иным парнем или девушкой.

Война разлучила нас. Лишь в октябре 1944 года, вслед за вой-

сками союзников, я смог наконец вернуться в наш город.

Когда Дино увидел, что я стою у дороги вместе с группой приятелей, он кинулся ко мне. На руках у него была тряпичная повязка. Я хорошо помню, с каким почтением обращались к нему жители города. Дино гордился этим. Ему было очень приятно: я оказался свидетелем его торжества.

Когда мы остались одни, он сказал:

— Знаешь, я женился на Анне. — Дезно?

— Еще когда партизанил, — ответил он.

Потом от друзей я узнал о его хворах в боях с немцами.

Минувшая первая послевоенная зима, полная горя и несправедливостей. У Дино родилась дочка. Он поступил учиться в аграрную школу в Болонье, кое-как зарабатывая на жизнь, нанизавшись сторожить виллы состоящую на берегу моря. Он астазал на рассвете и отправлялся с тележкой в деревню, где покупал у крестьян вино, а потом продавал его солдатам.

Однажды освобождения, куда входил и Дино, возглавлял городской муниципалитет, но Дино отказывался от постов.

— Хочу оставаться в ладах с совестью, — повторял он приятелям.

Мы часто ходили к нему в гости на однуединую виллу. Зимними ночами Дино, верно, чувствовал себя здесь не очень спокойно. Одрюченные вином солдаты могли проникнуть в дом, где жил лишь он да его молодая, красивая жена. Но Дино, похоже, не испытывал страха.

Однажды жена убедить нас, что на вилле он в полной без-

опасности, Дино показал не сданный властям револьвер.

— А если и этого окажется мало, — засмеялся он, — я припес еще вещичку! — И потряс над головой тахженную дубинку.

Прошло несколько лет. Жизнь в городе вошла к обычному колену, солдаты разбегались кто куда, а у Дино видны на будущее оставались весьма неопределенными. Детей у него уже было трое, аграрную школу окончить не удалось. Он решил уехать в Рим, но и там ждала неудача. Пришлось, ничего не добившись, вернуться в родной город.

Позже я случайно узнал, что ему удалось купить несколько гектаров земли. Вывале немного помог отец, а уж потом Дино сам весьма умело пошел дела.

Дино вдруг обнаружил, что умеет хозяйствовать, и после ряда удачных сделок он стал делючим: подписывая чек, имел собственный счет во многих банках, и немучили начинать за советом или помощью.

Потому, когда во время телефонного разговора он сказал, что приедет в Рим на козенной «милленто», я не удивился.

— Я приехал с двумя знакомыми, им надо побывать в Неаполе, — сказал он. — Смогу, и их проведу в Рим на козенной «милленто».

Потом почти сердито спросил: — Почему бы и тебе не поехать с нами? Места в машине хватит. Мы столько времени не виделись! Неплохо будет встретиться.

...Через три дня мы махали к Неаполю. Дино временами вел машину сам, временами за руль садился один из его приятелей.

1 Марта машины.

Вечером перед отъездом Дино рассказал мне про них, но о дороге он явно утаивал.

Первое время я внимательно наблюдал за своими случайными попутчиками, сравнивал свои наблюдения с рассказом Дино. Вспоминаю с раскаянием Дино, что в прошлом этих людей, Джуство когда-то служил учителем средней школы в городке, где теперь жил Дино, но провалился на очередном конкурсном экзамене, и ему пришлось уйти из школы. Коренастый, почти совсем лысый, Джуство выглядел старше своих лет. Он казался мне человеком несмелым, скорее даже робким. Однако скоро он принялся читать свои стихи, потом стал рассуждать о кино. Суждения бывшего учителя явно выдавали его невежество. Но, как видно, он был по натуре человеком незлым. Он объявил, что в Неаполе мы остановимся в гостинице «Терминус»: там его знают и встретят на личном образе. Едва мы приедем, он примет меня и проведет в ванной комнаты начнет звать клиентов, поговаривая о деловых встречах.

Я предостерег восхититься пейзажем и на все лады рассказывал красоту Неаполя, но и тут у меня нашелся соперник. Джуство уверял, что он чувствует себя как дома не только в Неаполе, но и в Сорренто, на Капри и Искья. Он даже пытался говорить на неаполитанском диалекте, а немного спустя безапелляционно объявил, что настоящая Италия кончается в Риме, а весь юг страны это всего лишь Африка. Потом он усомнился, можно ли даже Рим считать подлинной Италией.

Если, проезжая через селения, мы обгоняли науку-никуда девушку, Джуство высказывался из окна машины и отпуская ей след дурацкисленную сальную остроу.

Второй из моих неожиданных попутчиков, Паолоно, вел себя сдержаннее. Я скоро заметил, что Джуство, хотя его финансовые дела шли куда лучше, поднимается воее друга. Паолоно хвастал, будто его родственник занимает важный пост в министерстве, но можно было легко догадаться, что, кроме показной уверенности, у него нет за душой ничего. В свои сорок лет он нов-как перебивался с помощью Джуство. Однако все дела вел Паолоно, и Джуство бессознательно подчинялся ему.

Прочтешь что-либо в темных глазах Паолоно было нелегко. Интересно он Барко, но слишком, если ли сорока годами так и не смог прочно устроиться. Особой злобы и подлости в нем тоже не замечу. Ну, а уаа? Пожалуй, он не глуп, но и то же. Слышал я рассказы, что погубили его женщины. Все города остались у него в памяти только в связи с любовными похождениями. Он так и не женился; но с ним удалось приручить несколько похотливых женщин. Говорил он о сыне с гордостью, хотя вспомянул о его существовании лишь несколько лет назад, когда тот привел я отцу протест посылки.

Теперь-то Паолоно, конечно, радовался, что он отец совсем взрослого парня и что на старости у него будет свой угол. Позже я понял, что главной причиной всех злоключений Паолоно были те же женщины. Недаром Джуство гордится, что поражение Италии в последней войне подкосило его. Короче говоря, оба они были фашистами. Джуство служил в фашистской милиции. Паолоно же в дни

восстания в Милане пришлось сдаться партизанам.

Я старался не думать об их прошлом, однако временами меня охватывало чувство гадливости, и тогда я спрашивал себя, как мог Дино связаться с этими мерзкими типами. Но он надеялся заключить крупную сделку, и Паолоно, который хвастал, что в Риме у него большие связи, мог ему

следней войны много воды утекло, годы изменили нас, и мы не в силах вернуть молодость, поэтому, подавив неприятное чувство, я и присоединился к Дино и его новым приятелям.

В Неаполе я постарался избежать разговоров и промолчал, когда Джуство и Паолоно предложили вместе поехать. А день для прогулки был чудесный.

Рисунок В. Трубовкича.

помощь. Очевидно, в его хвастовстве была доля правды, потому что в Риме он познакомил Дино со многими влиятельными людьми. Дино гордо сказал мне: — Фашисты умеют приспособляться, хотя они и уверяют, что ненавидят нынешний мир корыстью.

Немного спустя, побывавшая моего осуждения, он горячо проговорил:

— Разве я виноват, что все сложилось не так, как мы с тобой ожидали! — Его глаза блеснули. Я узнал в нем прежнего Дино. — Разве по моей вине в министерствах приходится иметь дело с фашистами? Когда я думаю о тех, кто погуб, то испытываю чувство ярости и стыда. Но так уж все вышло. Я ничего не могу подела-ть!

«Конечно», — подумал я, — по-

В следующий вечер, когда мы возвратились в Рим, спор вспыхнул с новой силой. Не помню уже, с чего начался разговор. Вначале я отмечивался: банальными казались доводы двух экс-фашистов. Все они твердят одно и то же! Но потом и не сомневался и обрушил на них целый десяток имен: Маршайто, Сарцна, братья Черви, восстание в Неаполе, в Милане, Болонье, Оскорбленный за тех, кто пад, сражаясь за свободу, за идеалы, столь высокие, что нам, оставшимся в живых, не удалось их осуществить, а защитил своих товарищей. Они не захотели быть рабами и отдали жизнь ради торжества справедливости.

Но Паолоно и Джуство не сдавались. Они тоже вошли в раж и стали называть мне другие имена и вспомнить места, где были убиты их друзья.

Спора, мы сбивались с пути. На секунду шум затих, и тут я заметил, что мы попали на виа Казинья. Я не был здесь с ноября 1943 года, когда впервые добровольно новой итальянской армией промчался по этой дороге в грузовике на фронт в Кассино сражаться с немцами. В неясном свете луны, то выплывавшей, то скрывавшейся в облаках, я сразу узнал высокие холмы. Горы сдакнуло, но я справился с волнением. Перед глазами вставали боевые друзья в летней, не по сезону, форме и новых башмаках, со старыми винтовками за плечами. Каждый получил ружью гранату «Юго», взрывавшуюся со страшным грохотом. Припомнился дождь, заливавший грешник, тревожные мысли о матери, которая осталась дома одна и ничего обо мне не знала. Вспомнились американцы, непрерывно жвававшие резину и целую ночь плавившие из орудий, негры и американцы итальянского происхождения, которые были недовольны своим положением и винили во всем нас, итальянцев. Обо всем этом я думал, пока двое экс-фашистов, ободренные моим молчанием, продолжали тараторить. Меня так и подымало сказать им: «Заткнитесь». Здесь тысячи и тысячи узнали не только, что такое смерть, но и ради чего можно и нужно умереть.

— Куда все-таки ведет эта проклятая дорога! — воскликнул сидящий за рулем Паолоно.

Он остановил «милленченто» и стал свертывать с дороги. Я сразу же вышел из машины. В лицо ударил холодный ветер. Все было, как в ту зиму, точно с тех пор не прошло тридцати лет. Визу легко узнал владение Мильяно. Однажды ночью я спрятался в склепе, пытаясь укрыться от огня немецких батарей.

Меня позвали. Я молча сел в машину. Мы поехали дальше. Я упорно молчал. Когда впереди показались горбатые склоны Монте Лунго, я попросил остановиться. Чуть подалее чернело военное кладбище. Луна освещала кресты, сбегавшие вниз по склону. Сверху белели каменные глыбы Монте Скарбо. Справа от горы приоткрылась маленькая долина, где жидкий дегь погубил десятки людей, а рядом с бане было много поле. Прислушиваясь к долетавшим откуда-то издаലെ голосам, я спрашивал себя: ради чего погибло столько моих друзей? Мир идет вперед, но люди больше не вспоминают о них.

Я почувствовал ненависть к Джуство. И он еще распрашивает меня о боях, он, способный лишь сокрушаться о крахе своих иде-

Я пытался понять, где мы едем. Возле дороги на целый километр протянулся огромный, метра четыре в диаметре, белый куб, называющийся в народе «утро гора Акведук». Был может, мои друзья погибли и ради того, чтобы люди смогли построить этот громаднейший, длинный водопровод! Мы снова инкарнация со скоростью ста километров в час. Все дорогу я молчал. Дино тоже не проноря ни слова. Когда машина остановилась у подъезда моего дома, Дино вылез из кабины со мной и сказал волголоса:

— Прости меня. Я не должен был с тобой связываться.

Он снова сел в машину.

Перевел с итальянского Л. ВЕРШИНИН.

«Хочу быть
гангстером»

Небольшого роста худенький мальчуган путливо озирается по сторонам. Вокруг строго, осуждающие лица. Впервые за тринадцать лет жизни он стал объектом всеобщего внимания. Да еще где... в храме Фемиды. Судья г-жа Брирли, облаченная по английской традиции в пыльную парю и длинную манто, задает вопросы: — Подсудимый, кем бы вы хотели быть, когда станете взрослым? Мальчик, не моргнув глазом, отвечает: — Гангстером.

Парня г-жа Брирли приподнимает, выдвигая смещение сей выдвигшей выды ярицы правосудия. — Но знаете ли вы, подсудимый, что такое «гангстер»?

Малолетний преступник, оправнившись от первого испуга, поясняет: — Да, знаю. Гангстер — это человек, который не ступает неправильно, но зато у него есть деньги...

Однажды мальчуган не выдумал, а печальную бодь. Этот случай произошел в английском городке Рочесте. Приведенный пример лишь наводит на сравнение с той гигантской военной юнкосской и детской преступностью, которая обрушилась на «добропорядочную» старую Англию. «Насилье, подобно уродливому шарму, обезображивает облик английской молодежи... Насилье по этому поводу зейбористская газет «Дейли геральд». Почти каждый день слышались судебные дела, в которых в качестве вещественных доказательств фигурируют фисские монеты и другие виды оружия и огнестрельного оружия, ставшего обычным для определенной категории подростково-юношеской.

Английская общественность не на шутку обеспокоена подростками и юноши все чаще посягают на чужую собственность и даже на жизнь людей. Публикуются статьи на эту тему, устраиваются дискуссии, высказываются причины и принимаются кое-какие меры, однако все пока остается по-прежнему. Официальная пропаганда утверждает, что «зверье зла следует искоренить трудностями послевоенного времени». Но основная причина кроется совсем в другом: нравственно калечит и растлевает молодое поколение буржуазная культура. В любом газетном вносе, в любой английской лавке продаются ярко раскрашенные комиксы, авторы которых смакуют таинственные выходы, бандитские похождения, кровавые военные эпизоды и ничем не прикрытый рабизм. Эти комиксы но дня в день пичкают английскую молодежь насильем, дельцами, убийствами и грабительствами. Дети и подростки смотрят на детей с экранов кино и телевидения. Дикие крики и

выстрелы заполняют эфир. И это не может не тревожить родителей. Вот почему англичане все чаще и чаще выступают в печати против насилия комиксов и детективов, против глянцевых реклам и кинофильмов, воспевающих уничтожение человека. Положение с детской преступностью в стране стало настолько угрожающим, что дело дошло до парламента. А произошло это так.

Редактор отдела просветительской газеты «Дейли мидмор» Том Галлет обратился с открытым письмом к читателям, в котором, между прочим, говорилось: «Финские ножи и кинжалы — урвора общественной безопасности. Зловоние последнего этого смертоносного оружия возрастает. Убий-

ства, совершенные подростками, портят страну». В заключение Том Галлет просит читателей присылать оружие, общая сокращенная в строгой тайне имена отправителей. После этого обращения в редакцию стали прибывать многочисленные письма с оружием: ножи, кинжалы, самонаклады, пистолеты и револьверы.

Безалкоголь. Начиная «Дейли мидмор» завершили. Английский парламента принял закон о запрете производства и продажи оловянного и огнестрельного оружия. Но приведет ли эта мера к желаемой цели? Ведь причины, порождающие растение молодежи, заложены в самых условиях жизни капиталистического общества.

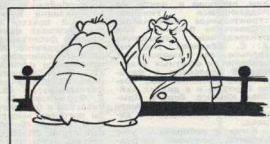
«Запретить это!» (Рисунок и подпись из английской газеты «Дейли мидмор».)

— Вам почистить?

— Теперь никто не скажет, что у меня волост длинный, а у меня коротный.

— Товарищ, подросток!

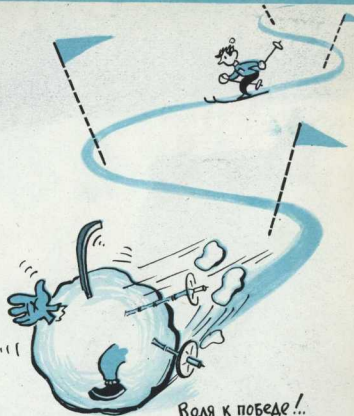

Зима СПОРТ

рисунки Макаренко Ю.

Явное преимущество!..

Воля к победе!..

Галантность...

- Привет, коллега!..

- Абыжню!!!

- Жаль, что тебя не было! Это была чудесная прогулка...

Цена номера
2 руб.

